

XIV годъ

№ 12

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 19 Марта 1883 г. листа чертеж. выкроекъ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. И. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другие города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1883 г. уже вышедшия номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ д. № 9

В. Д. Орловскій.

Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ портретъ нашего талантливаго пейзажиста — профессора Орловскаго, копіи съ картинъ котораго наши читатели неоднократно видѣли въ нашемъ журналь и которого работы такъ высоко цѣняются знатоками и любителями пейзажной живописи.

Владимиръ Донатовичъ Орловскій — сынъ помѣщика Кіевской губ., род. въ 1842 г. Дѣтство его прошло частично въ деревнѣ, частично въ Кіевѣ. Отрасль къ рисованью проявилась въ немъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Десяти лѣтъ В. Д. опредѣлили въ кіевскій кадетскій корпусъ. Но болѣзнь глазъ, внезапно проявившаяся, испугала его родителей. Они взяли его изъ корпуса и онъ поступилъ въ гимназію.

Тутъ случилось, что никто не мѣшалъ ему предаваться любимому дѣлу, а въ учителѣ рисованія г. Соменко (ученикъ Брюллова) нашелъ хорошаго руководителя. Такъ прошли годы и когда решено было вѣхать въ академію, В. Д. дали письма директоръ мѣстной гимназіи и Соменко къ поэту Т. Г. Шевченко, ихъ другу и товарищу по академіи. Но не долго пришлось юному художни-

ку пользоваться совѣтами Шевченки: за нѣсколько дней до смерти, Шевченко далъ ему записку къ конференцѣ — секретарю Ф. Ф. Львову, благодаря которой и вниманію обращенному на его рисунки, юноша былъ принятъ въ академію. Разъ какъ-то, профессоръ А. П. Боголюбовъ, проходя по заламъ музея, обратилъ вниманіе на работу молодаго художника, пригласилъ заходить къ нему и отнесся вообще весьма сочувственно. Благодаря Боголюбову и Монигетти, уѣхавъ на этюды въ Крымъ, художникъ попалъ въ Алупку, имѣніе князей Воронцовъ, среди прелестной природы. Хозяева имѣнія отнеслись къ художнику въ высшей степени сочувственно.

Въ Крымъ художникъ прѣѣхалъ отчасти скованнѣй еще рутиной, и писаніе этюдовъ съ натуры понималъ не иначе, какъ строгое и детальное копированіе натуры, ея изученіе въ подробностяхъ, а о картинахъ думать, дескать нужно послѣ, въ мастерской, на досугѣ.

Не разъ княгиня, сама любившая и понимавшая искусство, пыталаась убѣдить въ неестественнѣстности такого пониманія.

В. Д. Орловскій, профессоръ. Съ фотограф. грав. Ю. Барановскій.

Однажды, желая пояснить примѣромъ свой взглядъ, хозяйка указала художнику на растворенное въ садѣ окно. Солнце лило яркіе лучи на зелень деревьевъ, траву, на землю и цвѣты, и сильный контрастъ этого блеска съ полутономъ или даже тѣнью, царившей въ комнатѣ,—дѣлалъ поразительный эффектъ.

— Вотъ, напишите мнѣ это окно. Но передайте, не уклоняясь отъ правды въ общемъ, именно впечатлѣніе этого блеска, тепла, свѣта, впечатлѣніе прелести жизни, какая чутется въ этомъ.

На художника произвели эти слова сильное впечатлѣніе, и уже началъ въ немъ совершаться переворотъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, получивши въ 1868 г. большую золотую медаль, В. Д. отправился за границу, но уѣхалъ уже безъ того безотчетнаго трепетнаго отношенія, которое было въ немъ ранѣе при произнесеніи громкихъ именъ Ахенбаха, Руссо, Дюпра, Калама. Художникъ создалъ себѣ особаго рода масштабъ, мѣрило, подъ которое имъ подводилось каждое произведеніе искусства, помимо знаменитости его автора — именно передачи жизненности, общаго въ картинѣ.

Какъ-то разъ В. Д. предложено было въ видѣ особой чести поступить ученикомъ къ Дюпру. Но Дюпра нашему художнику и самъ казался такъ далекъ отъ идеала, что онъ отказался отъ этой чести.

Однажды, въ Парижѣ, выходя изъ салона выставки, глянувшись на окружающій лѣсъ, на блескъ солнца, переливы его луچей, сверкающіе чудной чистотой тоновъ, красокъ, — невольно у художника явилось сознаніе, что приходится самому искать дороги, а это всегда не легко...

Такъ прошли годы, пока нашему художнику удалось на дѣлѣ примѣнить свои идеи объ искусствѣ и возвратиться въ область ощущеній юношескихъ годовъ, ея упоеній красотой, прелестью Божіаго міра,

Картини В. Д., большей частью, имѣютъ задачей передавать русскую природу со всей ея прелестью и жизнью.

Здѣсь мы упомянемъ лишь немногія изъ картинъ Орловскаго. Съ копіями нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ мы уже упоминали, знакомы наши читатели по „Нивѣ“. Званія профессора В. Д. удостоенъ былъ за картину „На покоѣ“, бывшую потомъ на парижской всемірной выставкѣ. На выставкѣ 1881 г. особенное вниманіе на себя обратила картина „Ржаное поле“, затѣмъ прелестная вещь „Хуторъ въ Малороссії“, недавняя — „Гравій лѣсъ“, бывшая на московской всероссійской выставкѣ и принадлежащая Демидову князю Санть-Донато. Всобще картины В. Д. покупаются много и разсѣяны какъ во дворцахъ, такъ и въ салонахъ любителей искусства.

ВЪ ЦВѢТАХЪ.

ПОВѢСТЬ

Н. Лебедева (Морскаго).

I.

Уже заблаговѣстили ко всенощной, а у Обросимовыхъ, въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ о пяти окнахъ, выходящихъ на Бульварную улицу, еще не было окончено убранство къ завтрашнему празднику Троицы. Кажется народу у нихъ не мало: кухарка, ключница, горничная, кучерь и дворникъ, — и это всего на двое господъ, старого и малаго, изъ которыхъ первымъ—оказывалась старушка бабушка, Анна Ивановна Обросимова, а вторымъ ея внукъ, онъ-же владѣтель пятиоконного домика, пятнадцатилѣтній мальчикъ, Михаилъ Петровичъ Обросимовъ, — сирота, лишившійся отца и матери почти при рождѣніи. Именно: *Михаилъ Петровичъ*, а не *Миша* или *Мишенъка*. Въ самомъ дѣлѣ въ домѣ не было человѣка, который-бы, какъ сталъ себя помнить Миша, не возвеличилъ его по имени и отчеству, не исключая и бабушки, при которой какъ-бы жилъ внукъ, хотя на самомъ дѣлѣ она жила при немъ, а не онъ: Михаилъ Петровичъ, да Михаилъ Петровичъ — и это съ самаго ранняго дѣтства. Отъ семьи — величаніе по имени и отчеству пятнадцатилѣтнаго мальчика перешло и къ знакомымъ, а впослѣдствіи, когда Миша сталъ посѣщать классы частнаго пансиона г. Деврента, — распространялось какимъ-то образомъ и между воспитанниками и учителями. Даже самъ директоръ пансиона, напоминающій своею фигурой пастора, постоянно носившій въ добавленіе этого сходства черный, почти ниже колѣнъ сюртукъ и бѣлый галстукъ, — выдавая Мишѣ свидѣтельство № 1-й, атtestующее его слѣдовательно съ самой хорошей стороны, съ важнымъ видомъ въ присутствіи всего класса произнесъ:

— Васъ, Михаилъ Петровичъ, за успѣхи въ наукахъ, удостоиваю (съ удареніемъ на *и*) своего рукопожатія.

Дѣйствительно, Михаилу Петровичу вполнѣ приличествовало такое величаніе взрослого. Онъ рано сдѣлался главою дома и самостоятельнымъ лицомъ. Бабушка, добрышная, но не особенно далекая женщина, всего пугающаяся, готовая, хуже малаго ребенка, на часу двадцать разъ всплакнуть безъ всякаго къ тому поводу и отъ слезъ перейти къ смѣху, обожающая внука, — не могла безъ его совѣта сдѣлать ни шагу; къ тому-же ей измѣняла память. На внукѣ лежала обязанность все помнить, все досмотрѣть и въ случаяхъ испуга и слезъ—показать мужскую твердость. Все на немъ. Бабушка была его опекуншай, но онъ долженъ былъ помнить, когда ее слѣдовало послать въ сиротскій судъ по дѣламъ опеки. Онъ вѣль хождество, заказывалъ обѣдъ, считалъ расходъ, платилъ за свое ученье,

платилъ жалованье прислугѣ, платилъ докторамъ, если кто заболѣвалъ въ домѣ, платилъ священникамъ, когда они пріѣзжали въ праздники съ крестомъ; словомъ заправлялъ всѣмъ, а при такомъ положеніи — конечно странно было называть его Мишой. Онъ даже вынужденъ былъ, какъ господинъ, прибѣгать къ строгости. Однажды, въ рождественскій вечеръ, играя съ бабушкой въ „дурачки“, Михаилъ Петровичъ услышалъ въ „дѣвичьей“ взволнованный голосъ кухарки, что-то спѣшно передававшей ключницѣ и горничной. Почти вслѣдъ за этимъ кухарка дошла и до господъ, появившись на порогѣ комнаты, въ которой послѣдніе мирно коротали вечерокъ. Кухарка была взволнована, прижимала руки къ груди, какъ-бы сдерживая бѣнія сердца, задыхалась, видимо бѣжалась... Она обратилась вопреки обычаю не къ Михаилу Петровичу, а къ Аннѣ Ивановнѣ, взволнованно заговоривъ:

— Уймите, сударыня, разбойниковъ: дратъся лѣзутъ. Шерепились—съ того и озорничаютъ.

Анна Ивановна не поняла о комъ идетъ рѣчь и кто это озорничаетъ въ ихъ домѣ:

— О комъ ты, Дарьушка? — испуганно спросила она и прибавила: — вотъ, право, напугала: влетѣла, что твоя бомба. Кто, мать моя, озорничаетъ?

— Дворникъ съ кучеромъ-съ.

— Пьяны?

— Пьянеонъки-съ, псы эдакіе...

Старушка сдѣлала удивленную мину:

— Чего-же ты хочешь отъ меня?

— Уймите ихъ, сударыня. Пожалуйте въ кухню, прикрикнете...

Анна Ивановна иронически раскланялась кухаркѣ:

— Благодарю покорно; что-бы они меня убили! слуга покорная... И выдумаешь-же ты такую чепуху, Дарьушка! Кажется, женщина не глупая... Ты что, Михаилъ Петровичъ?

Не отвѣчая старушкѣ, Михаилъ Петровичъ потребовалъ у горничной, выглядывавшей изъ-за спины кухарки, пальто, шапку и калоши, неторопливо надѣль все это на себя, тщательно застегнулся — (заботы о томъ, чтобы не простудиться, довершили сходство этого мальчугана съ взрослымъ) — и не отвѣчая бабушкѣ, вышелъ черезъ дѣвичью въ холодную сѣни, соединяющія домъ съ кухней, откуда доносились пьяные голоса кучера и дворника... Оставшіяся въ домѣ женщины поняли въ чемъ дѣло. Кухарка въ ужасѣ всплеснула руками:

— Батюшки! да вѣдь Михаилъ-то Петровичъ къ нимъ проклятымъ пошли!.. Господи, спаси!..

И убѣжала за бариномъ. Ушла и ключница, ушла-бы и горничная, да порывъ послѣдней остановила Анна Ивановна:

— Побойся Бога, Маша! куда-же ты? Я одна-то боюсь... время вечернее... И нужно-же было Михаилу Петровичу идти, слушаться глупой бабы!..

Тѣмъ временемъ Михаилъ Петровичъ появился на порогъ кухни, гдѣ при свѣтѣ наплывшаго сального огарка — бородатый пожилой кучеръ Петръ, одѣтый въ сиреневую ситцевую барскую подареняя рубаху, мужчина коренастый и плечистый, съ серебряной серыгою въ ухѣ, лѣзъ съ кулаками на рослого парня дворника, одѣтаго въ красную рубаху и жилетъ. Дворникъ отмакивался кулакомъ, что сердило кучера, и вѣроятно межъ обоими товарищами по выпивкѣ — дѣло пошло-бы и дальше, если-бы дѣтскій голосъ, старавшійся звучать ровнѣе, не отрезвилъ драчуновъ окрикомъ:

— Это, что еще за шумъ!.. Ложитесь спать: иначе позову полицію!..

Баринъ вспыхнулъ, кровь бросилась въ его дѣтскую голову и окрасивъ нѣжныя щечки густымъ румянцемъ, придала блескъ этимъ восхитительнымъ дѣтскимъ глазкамъ, опущеннымъ густыми рѣсницами... Мужики какъ-то опѣшили и опустили руки, стояли передъ малюткой-бариномъ... А онъ грозно:

— Новости какія: драться вздумали! старую барыню напугали... Завтра получите разсчетъ...

И хлопнувъ дверью, удалился тою-же неторопливою поступью, какою пришелъ. Мужики въ молчаніи разѣлись, почесываясь, на лавкахъ и болѣе не возобновляли шума... Дарья и Анисья-ключница мысленно рѣшили: вотъ такъ баринъ! вотъ такъ Михаилъ Петровичъ! малъ золотникъ, да дорогъ: такъ ихъ мужиковъ — дураковъ и надо!.. Бабушка всплакнула, благо нашелся удобный случай:

— Живъ, батюшко мой, живъ Михаилъ Петровичъ! Не погубили тебя пьяницы...

Онъ оставилъ эти причитанія безъ вниманія, сѣлъ за столъ, взялъ въ руки карты и напомнилъ бабушкѣ:

— Вамъходить: я принялъ.

II.

Когда классныя занятія у г. Деврента прекратились, Михаилъ Петровичъ занялся ремонтомъ дома и возведенiemъ новыхъ службъ на мѣсто старыхъ. Наблюдение за всѣмъ этимъ тоже легло на него. Конечно онъ тутъ понималъ немногого, чтобы не сказать болѣе, но ежедневно, по нѣсколько разъ въ день, вся Бульварная улица видѣла миниатюрную фигурку Михаила Петровича, съ сосредоточеннымъ выражениемъ лица обходящаго, въ сопровожденіи кучера и дворника безъ шапокъ, дворъ и осматривающаго постройки. Дворникъ и кучеръ, прощенные бариномъ, жили давно и радѣли при этомъ ремонте не мало, какъ бы совѣтуя то и это Михаилу Петровичу, безъ его разрешенія ничего сами не утверждая... Иногда, несущаяся черезъ дворъ съ подоткнутымъ подоломъ, засученными рукавами, и лаханкой или корытцемъ, наполненнымъ кормомъ для куръ — Дарья навязывалась въ соѣтчицы, тыкая въ какой нибудь срубъ или косякъ и незамѣтно отъ совѣта переходя въ перебранку съ кучеромъ и дворникомъ, повторяя ихъ тонъ въ умышленно преувеличенномъ и грубомъ видѣ:

— Та-акъ! — Это такъ?

— Потише нельзя-ли... Шумлива очень...

— Шу-умлива! барское добро... не о своемъ, черти лупоглазые!

Баринъ останавливалъ ретивую служительницу:

— Потише, Дарья... Говорите толкомъ...

Въ пятнадцать лѣтъ Михаилъ Петровичъ одѣвался какъ взрослый: пиджаки, жакеты, крахмаленная сорочка, галстуки бантомъ... Дитя сказалось въ немъ

довольно своеобразно. Онъ вдругъ увѣрилъ себя, что у него слабѣеть зрѣніе, и однажды поразилъ бабушку, явившись передъ нею въ пенснѣ съ дымчатыми стеклами. Старушка ужаснулась этимъ отнюдь не потому впрочемъ, что черныя стекла, прикрывшія эти очаровательные дѣтскіе глазки, были просто уморительны на крошечномъ нѣжно розовомъ личикѣ, а потому, что повѣрила въ дѣйствительность ослабѣвающаго зрѣнія внука и, конечно, всплакнула при этомъ. Въ „очкахъ“ же страннаго ничего не нашла, въ чемъ кажется Михаилъ Петровичъ самъ не былъ увѣренъ, что можно было заключить изъ того, что онъ щеголялъ въ своемъ пенснѣ болѣе дома, передъ бабушкой и прислугой, чѣмъ на улицѣ и въ пансіонѣ. Это пенснѣ было дѣтской забавой; второй — оказывалось писаніе писемъ къ товарищамъ. Письма писались преуморительно, начинаясь непремѣнно съ „милостиваго государя“. Затѣмъ слѣдовало имя и отчество и ставился восклицательный знакъ; затѣмъ что нибудь въ такомъ родѣ: „пришлите французскіе переводы“, или — на приглашеніе товарища: „быть не могу“, послѣ чего пространное сравнительное съ содержаніемъ письма заключеніе: „примите увѣренія въ глубокомъ уваженіи и преданности готоваго къ услугамъ вашимъ Михаила Обросимова“. Въ этихъ „очкахъ“ и письмахъ видѣнъ былъ ребенокъ, поставленный обстоятельствами играть роль взрослого, домохозяина и господина.

Бульварная улица вся въ зелени: тутъ, кромѣ аллеи липокъ, давшей улицѣ название — почти при каждомъ домѣ садъ; но передъ Троицей Бульварная улица представляетъ нѣчто невообразимое. Вмѣсто двухъ рядовъ липокъ — ихъ появляется четыре, такъ какъ передъ домами насаживаются березки и липки. Воздухъ пропитывается запахомъ вѣнка, улица усыана блестящими кружочками отъ проходящаго черезъ листву солнечнаго свѣта. Все это готово бываетъ съ вечера, къ началу всенощной; но прозвонили колокола, Анна Ивановна собирается въ церковь, а кучеръ и дворникъ, отправившіеся съ телѣгой за березками и травой, которой устилаютъ полъ, что-то не возвращаются. Уже не остаться-бы безъ Троицы, ибо какая-же Троица безъ березъ! Анна Ивановна, отыскивающая во всемъ если не причину для того, чтобы всплакнуть, то какую нибудь грозную для себя примѣту, оправляя передъ зеркаломъ чепецъ съ гранатовыми лентами, сообщаетъ прохаживающемуся взадъ и впередъ, съ руками заложенными за спину и съ дымчатымъ пенснѣ на носикѣ, внуку:

— Если не найдутъ березокъ, Михаилъ Петровичъ, видно ужъ мнѣ умереть скоро.

Онъ только что хочетъ отвѣтить ей, что не видѣть зависимости между ея смертью и тѣмъ, что на базарѣ не окажется березокъ, какъ мимо оконъ єдетъ знакомый сѣрий конь, везущій возъ свѣжей травы, а по бокамъ его конвоируютъ кучеръ и дворникъ что-то ужъ очень краснѣвшіе подъ тяжестью несомыхъ ими на плечахъ вороховъ гибкихъ и кудрявыхъ березъ... Трава на телѣгѣ на половину перемѣшана съ цветами, лиловыми колокольчиками, ромашкой, желтымъ и бѣлымъ пахучимъ донникомъ... При видѣ березокъ и травы бабушка успокаивается и окончивъ свои безконечные сборы, выходитъ вмѣстѣ съ внукомъ, пожелавшимъ хозяйственнымъ глазомъ поближе разсмотрѣть приобрѣтенный для Троицы украшенія, равно какъ и сдѣлать распоряженія на счетъ разстановки березокъ... Всюду ужъ поставлены, только у нихъ нѣтъ!..

Дворъ у Обросимовыхъ большой, содержится въ чистотѣ, службы на противоположномъ отъ передняго крыльца концѣ. Тамъ около каретника свалены березки, тамъ стоитъ и телѣга съ травой, обращенная задними колесами къ крыльцу... Кучеръ распрягаетъ лошадь, дворникъ возится съ чѣмъ-то въ конюшнѣ, оба перекрываютъ и не замѣчаютъ вышедшихъ на крыльцо

господь. Издали не разсмотрѣть, какова купленная трава—и вотъ Михаилъ Петровичъ своею обычною, неторопливо поступью спускается съ крыльца и идетъ къ возу... Анна Ивановна занята поправкою какихъ-то доселъ ею незамѣченныхъ погрѣшностей туалета, а потому остановилась, прикальваетъ что-то булавкой...

— Это что-же? неожиданно слышитъ возящійся съ лошадью кучеръ голосъ Михаила Петровича, раздающійся изъ-за телѣги; онъ бросаетъ лошадь и кидается къ барину, въ знакъ особаго уваженія, говоря съ нимъ тоненькимъ голосомъ:

— Чего-съ?

И стоить пораженный: вотъ, право, оказія-то! Удивиться дѣйствительно есть чему. Купили березокъ, купили возъ травы и старались, какъ наказывалъ баринъ, чтобы трава была свѣжая и побольше цвѣтовъ... Ну и ничего трава: вмѣстѣ съ дворникомъ, какъ покупали, всю что ни на есть ее — перешвыряли: всюду-ли моль такъ хороша?.. Можетъ только сверху?.. Потомъ поѣхали домой—только не стерпѣли у кабачка и на самое можно сказать короткое время, зашли и освѣжились... Такъ минуты двѣ, много три прошло, что лошадь съ травойостояла у кабака безъ ихъ надзора... Вышли въ разговорахъ, взвалили на плечи охапки березъ и ужъ до дому нигдѣ не останавливались... И откуда только такая притча приключилась?.. Вышелъ дворникъ изъ каретника и тоже только развелъ руками:

— Господи Іисусе!

Подошла и Анна Ивановна полюбопытствовать, на что это смотрятъ мужчины, взглянула и немедленно ударила въ слезы:

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ, ужъ это не къ добру: это дому несчастіе предвѣщаетъ!

Несчастіе дому!... Внукъ передернулъ плечами, выражая тѣмъ свое негодованіе, но не сказалъ ни слова... Изъ травы, изъ этой массы неприхотливыхъ полевыхъ цвѣтовъ, выставлялась кудрявая головка ребенка, широко раскрытыми, удивленными глазками разматривая собравшихся около телѣги людей... Вдругъ это румяное, совершенно круглое лицо, съ голубыми глазами и вьющимися пепельными волосами—какъ-то всѣ покраснѣло и обнаружило очевидное намѣреніе заплакать. Ручки, точно перевязанныя у кистей ниточками, забарабахались въ травѣ и, скавшись въ крохотные кулачки, поднялись къ глазамъ, одновременно съ чѣмъ малютка ознакомила собравшихся около нее людей со свойственнымъ ей даромъ слова, крикнувъ:

— Ма!

Кучеръ замѣтилъ съ сожалѣніемъ:

— Мать кличетъ!

У неё есть „ма!“ но на васъ она не хочетъ смотрѣть... Она закрыла глаза кулачками, причемъ прикрывавшая ее трава распалась и открыла не болѣе какъ полуторагодового ребенка, дѣвочку... Что это былъ за ребенокъ и откуда онъ попалъ въ возъ съ сѣномъ, никто не могъ объяснить. Михаилъ Петровичъ кажется понялъ дѣло вѣрнѣ.

— Въ кабакъ заѣзжали?

Молчаніе: кучеръ и дворникъ поникли головами.

— Ну вотъ въ это время вамъ и сунули дѣвочку... Но, какой это милый ребенокъ, бабушка?

Бабушка, удрученная горемъ, въ отчаяніи только машетъ рукой:

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ... Посмотри, Дарьушка, какую благодать намъ Господь послалъ...

Всѣ сбѣжались, и кухарка, и горничная, и ключница, раздаются оханья и аханья, вскоро сообщается, что мужики заѣхали въ кабакъ, такъ вотъ въ это время ребенка и сунули имъ на возъ... Дарья язвитъ:

— Они съ пьяну, не то что малаго ребенка недоглядѣть, атамана разбойничьяго привезутъ!

— И что это за мать?—подгорюнилась ключница...

Иная отъ неволи или бѣдности родить и подкинетъ куды, а эта смотрите, дѣвушки, держала ребенка болѣ году и не пожалѣла... Ужъ и мать-же!

Дѣвочка, отнявъ кулачки отъ глазъ, вторично требуетъ съ большей настойчивостью у присутствующихъ:

— Ма!

— Ма придетъ, завтра придетъ,—береть на руки довольно полнаго ребенка Михаилъ Петровичъ,—не плачь... Какъ звать-то ее, кабы знать...

Дѣвочка точно прислушивается къ его словамъ и тономъ нѣкотораго упрека, выражая на лицѣ недоумѣніе, произносить:

— Акъ!

— Что это она говоритъ: акъ?—но это вскорѣ разъясняется... Скажите, какой умный ребенокъ! Дарья усматриваетъ на шейкѣ дѣвочки тоненький черный шолковый шнурочекъ и вытаскиваетъ его изъ-подъ платья. На шнурочекѣ—золотой крестикъ и около—бумажка, которую снимаютъ, развертываютъ и подносятъ прочесть Аннѣ Ивановнѣ:

— Охъ, не могу! Недосмотрю, миляя, да и написано-то, кажется, по иностранному...

Написано по русски, мелкимъ женскимъ почеркомъ: „Аксинья. Годъ и восемь мѣсяцевъ.“ И больше ни слова не прибавила „ма,“ а вѣдь это все, что на всю жизнь останется ребенку въ воспоминаніе! Но, положительно, это умное и понятливое дитя! вѣдь оно отвѣтило Михаилу Петровичу, какъ его зовутъ, совершенно вѣрно и твердо произнеся начало своего имени...

— Не плачь-же, милая Акъ, будь умница... Ну, улыбнись, ну... вотъ такъ... Вотъ умница!

Маленькая Акъ послушалась Михаила Петровича: ея глазки съузились, кулачки разжались, на розовыхъ щечкахъ появились ямочки—и это недавно готовое расплакаться лицо расцвѣло самою прелестною изъ человѣческихъ улыбокъ. Полныя ручки Акъ обвились около нѣжной и тонкой шейки Михаила Петровича и розовая щечка, пахнущая полевыми травами, прильнула къ умиленному лицу Михаила Петровича:

— Батъ!

Она назвала его братомъ и какъ вѣрно, какъ хорошо произнесла! „Батъ!“ Бабушка, эта Акъ—удивительно умна! Вѣдь ей годъ и восемь мѣсяцевъ только, Дарья! Что ты, Петръ? Ты спрашиваешь, что я буду дѣлать съ Акъ?... Конечно возьму на воспитаніе, она будетъ мнѣ дочь... ну, сестра пожалуй: недаромъ же она назвала меня братомъ!...

III.

Акъ „развивалась“ и становилась, по выражению Михаила Петровича, „краснорѣчивѣе“ день ото дня. На второй день своего пребыванія у Обросимовыхъ, она, послѣ продолжительного и пристальнаго разматриванія Анны Ивановны, отчетливо и ясно назвала ее „баба.“ Дарья, ключница и кухарка получили отъ Акъ общее наименованіе „дады,“ вѣроятно оттого, что по ея наблюденіямъ, онѣ постоянно чтонибудь подавали, давали. Кучеръ и дворникъ получили тоже общее название, собщенное маленькою Акъ Михаилу Петровичу съ какимъ-то таинственнымъ видомъ и вполголоса: „туты.“ Но обогащая не по днямъ, а по часамъ свой лексиконъ, Акъ незамѣтно вычеркнула изъ него одно слово... Два-три дня по своемъ прибытии къ Обросимовымъ, Акъ пыталась звать свою „ма,“ пыталась расплакаться при этомъ, но на ея крикъ „ма“ не приходила, и видя безплодность такого зова, Акъ перестала звать и на всегда вычеркнула изъ своего словаря дорогое словечко...

Обнаруживъ „громадную,“ по словамъ Михаила Петровича, понятливость, Акъ на первыхъ-же порахъ оказалась надѣленною „характеромъ твердымъ и непреклонною волей.“ Она самымъ энергическимъ образомъ протестовала противъ намѣренія „дадъ,“ положивъ ее въ

корытце, вымыть теплою водой съ помощью губки... Акъ огласила при этомъ сердитыми воплями цѣлый домъ, била толстыми ножками корытце, брызгала водой и кричала „бать,” не обращая вниманія на замѣчаніе ключницы, что дескать „не гоже дѣвушкѣ въ такомъ прекрасномъ туалетѣ мущину къ себѣ звать. Стыдно, дескать!” Акъ перестала только тогда, когда явился Михаилъ Петровичъ и собственоручно обмылъ настойчивую особу, что и вошло съ этихъ поръ въ разнообразное число его обязанностей. Другой разъ, кушая маленький, специально для нея изготовленный блинокъ, Акъ обнаружила нежеланіе идти въ этомъ несложномъ занятіи общепринятымъ путемъ. Положивъ блинокъ на свою крошечную ручку—она потребовала, чтобы одна изъ „дадъ“ тутъ-же на ручкѣ—налила ей на блинокъ масла и, не смотря на общія возраженія, что „умныя дѣвочки такъ не дѣлаютъ,“ настояла таки на своемъ, причемъ перепачкала въ масло не только свое лицо, но и нагрудникъ изъ бѣлага пикѣ. Когда-же, указывая на масляные пятна, „дада“ стала ей выговаривать, что вотъ дескать что надѣлала шалунья, Акъ какъ бы смущилась, опустила головку и смотря изподлобья, погрузила указательный пальчикъ правой руки въ ротикъ, чѣмъ и занималась до конца обѣда. За такое образцовое поведеніе и изящество манеръ, малютка была награждена своимъ воспитателемъ восторженнымъ возгласомъ:

— Свѣтлая личность!

Это истина, что онъ былъ ея воспитатель, отецъ, братъ и другъ... Какъ въ дѣлѣ хозяйственнаго распорядка, такъ и въ заботахъ о попеченіи Акъ, женскій персоналъ игралъ второстепенную, служебную роль. Онъ, этотъ пятнадцати-лѣтній домохозяинъ, взялъ малютку на воспитаніе и въ дѣлѣ этого послѣдняго безъ его вѣдома не дѣжалось ничего. Анна Ивановна примирилась съ поселеніемъ въ ихъ семье маленькой Акъ, но занималась ею мало; ключница носила, а частію и водила, Акъ гулять; горничная одѣвала и раздѣвала ее, но все это дѣжалось съ разрѣшенія Михаила Петровича, не иначе. Акъ была водворена въ обильно освѣщаемой солнцемъ комнатѣ, находящейся рядомъ съ комнатой Михаила Петровича. Онъ первый, отправляясь въ пансионъ г. Деврента, привѣтствовалъ радостное, какъ весеннее солнце, пробужденіе малютки, немедленно начинаящей о чемъ-то болтать на своемъ своеобразномъ нарѣчіи; онъ, съ истинно отеческимъ благодушіемъ, благословлялъ ее, когда лицо ея становилось какимъ-то глупенькимъ, глазки слипались и она засыпала безгрѣшнымъ сномъ, лежа въ своей бѣлонѣжной кроваткѣ, задернутая кисейнымъ пологомъ. Онъ приказывалъ ей давать въ такой-то и такой-то часъ кушать, онъ распоряжался ей сшить то и это, покупалъ игрушки, игралъ съ ней и онъ-же первый въ ихъ домѣ указалъ ей на образъ и произнесъ со внушеніемъ: „Божинка,“ что она повторила по своему: „Бозинка.“—Однажды онъ сказалъ Аннѣ Ивановнѣ:

— Пока я живъ, Акъ не будетъ нуждаться ни въ чемъ, но...

Старушка прервала:

— Ахъ, Михаилъ Петровичъ! что это ты, родной... Онъ сдѣлался серьезенъ:

— Отъ слова не умрешь... но умираютъ во всякие годы... Да, вы не плачете: я вѣдь еще не умираю...

— Зачѣмъ-же разстраивать меня?

— Я заговорилъ не о васъ, а объ Акъ... Что съ нею будетъ?

Михаилъ Петровичъ сжалъ руки и на его глазахъ выступили слезы... Онъ отвернулся къ окну и, немного помолчавъ, прибавилъ къ сказанному:

— Надо посовѣтываться съ г. Деврентомъ. Онъ—иностранецъ, но знаетъ русскіе законы... Не могу ли я обеспечить Акъ на случай моей кончины завѣщаніемъ... Не плачьте-же, повторяю: отъ слова не умру...

IV.

На слѣдующій день, по окончаніи классовъ, Михаилъ Петровичъ попросилъ г. Деврента удѣлить ему нѣсколько минутъ бесѣды съ глазу на глазъ. Г. Деврентъ жестомъ руки пригласилъ своего воспитанника на половину, гдѣ жилъ онъ, отдѣленный отъ помѣщенія пансиона теплымъ коридоромъ съ двойными дверями въ предупрежденіе возможности проникновенія шума въ его уединеніе. Деврентъ блисталъ чистотой бѣлья, чистотой платя и тою-же чистотой блистало и все помѣщеніе его пансиона. Полы отсвѣчивали зеркаломъ, стекла въ окнахъ были промыты и такъ протерты, что точно ихъ совсѣмъ не было, заслонки печей, дверные ручки ослѣпляли блескомъ вычищенной мѣди, нигдѣ не было ни соринки. При этомъ поражала правильность разстановки различныхъ предметовъ: всѣ стулья, столы, даже горшки съ цветами на окнахъ отдалъ другъ отъ друга совершенно равными разстояніями, все было разставлено въ высшей степени симметрично. На каждомъ окнѣ посерединѣ стояла высокая Драцена, по сторонамъ развесистые кусты бархатолистныхъ Марантовъ; у каждого окна—по два стула, въ простѣнкахъ столики и зеркала. Но верхомъ порядка являлся письменный столъ въ кабинетѣ г. Деврента, выходящемъ окнами въ палисадникъ. Зеленое сукно этого стола сохраняло свѣжесть и лоскъ первоначального своего состоянія, когда оно еще лежало въ магазинѣ; чернильница блестѣла, перья были выстроены въ рядъ, прессъ-панье и портреты г-жи Деврентъ, снятые въ различныя эпохи ея жизни, раставлены съ полнѣйшей симметріей.

Эта госпожа Деврентъ представляла изъ себя низенькую старушку со сморщенными, до невѣроятія добродушными лицомъ и отличалась той особенностью, что проживши въ Россіи тридцать пять лѣтъ, выучилась говорить по русски всего одно слово „милый,“ произнося его самымъ нѣжнымъ тономъ, съ самою добродушною улыбающеюся физіономіей, но выговаривая „миллій.“ И теперь, встрѣтясь съ своимъ супругомъ и Михаиломъ Петровичемъ, учтиво съ ней раскланившемся, она вся растворилась въ добрѣйшую улыбку и, потрепавъ Михаила Петровича по его розовой щечкѣ, довершила свою любезность троекратнымъ наклоненіемъ головы и обычнымъ лепетомъ, въ которомъ было что-то дѣтское:

— Миллій...

Г. Деврентъ ввелъ своего воспитанника въ кабинетъ и прежнимъ жестомъ, сопровождаемымъ самымъ серьезнѣйшимъ видомъ, смотря поверхъ золотыхъ очковъ, прігласилъ его садиться, занявъ свое жесткое кресло передъ письменнымъ столомъ.

— Что скажете?

Онъ говорилъ по русски хорошо, но часто, подъискивая правильный оборотъ, заминался, причемъ тянулъ неопределенный звукъ „а-а-а,“ пока не подъискивалъ желаемаго слова, сопровождая такой звукъ мановеніями рукъ въ воздухѣ, какъ бы этимъ призывая къ себѣ то, что не давалось сразу. Михаилъ Петровичъ при вопросѣ г. Деврента слегка покраснѣлъ и откашлянулся, какъ обыкновенно дѣлалъ, если смущался, и безъ всякихъ предисловій заявилъ на счетъ вопроса, для разрѣшенія котораго пришелъ безпокоить г. директора:

— Я хотѣлъ спросить васъ на счетъ завѣщанія.

Подобный вопросъ былъ до такой степени неожиданнымъ, что г. Деврентъ, какъ бы даже растерялся, какъ то испуганно взглянулся на сидѣщаго передъ нимъ пятнадцати-лѣтняго мальчика, потомъ спѣшно выхватилъ изъ кармана платокъ, стащилъ очки, торопливо протеръ ихъ и надѣвъ, взглянулся черезъ стекла и подвинулъ кресло нѣсколько ближе къ посѣтителю:

— То есть?.. какъ это на счетъ завѣщанія... Не понимаю!

Съ милой стыдливостью, прежней краской смущенія

и легкимъ откашливаньемъ по временамъ, Михаилъ Петровичъ пояснилъ дѣло:

— Вамъ известно, что я живу съ бабушкой, моей опекуншей... Состояніе и капиталъ—мои.

— Такъ.

— Я взялъ на воспитаніе дѣвочку, которой скоро будетъ два года... и желалъ бы ее обеспечить...

— Но она живеть у васъ?

— Да, но я могу умереть... Что будетъ тогда съ нею? Бабушка стара и на нее надежда плохая. И если я умру...

Голосъ его упалъ, слезы блеснули на пущистыхъ рѣсницахъ и онъ съ какою то мольбою окончилъ начатую фразу:

— Тогда... тогда, что будетъ съ одинокой малюткой, безъ имени и безъ средствъ?..

Онъ отвернулся къ окну... Былъ сентябрь, небо глядѣло сѣро и сумрачно, пожелтѣвшіе листья, кружась, летѣли по воздуху... Это маленькое сердечко сжалось какою то тоской, печально настроенное воображеніе нарисовало раздирающую картину маленькой Акѣ, брошенной, какъ эти беспомощные листочки, на произволъ вѣтра и холода подъ непривѣтное осеннеѣ небо... Слезы бѣжали отовсюду и лились по розовому лицу:

— Ахъ, г. Деврентъ, еслибы вы изволили видѣть мою маленькую Акѣ, вы бы согласились, какъ мучительно представить ее одинокой на землѣ!.. Она такъ мила, этотъ ребенокъ...

Г. Деврентъ былъ взволнованъ и слезы воспитанника вызвали его вполнѣ сочувствіе. Но что сказать? Онъ съ участіемъ наклонился къ Михаилу Петровичу и потрепалъ его по колѣнѣ:

— Но почему, мой другъ, вы сбираетесь умереть?.. Развѣ вы чувствуете какую болѣзнь?

— О, нѣтъ, я здоровъ; но вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго?

— Зачѣмъ такія мрачныя мысли?.. Гоните ихъ... И къ тому же ваше намѣреніе...

— Отъ его исполненія зависитъ мое спокойствіе,—поспѣшилъ Михаилъ Петровичъ.

— Да... но едва ли это возможно...

Слезы высохли на лицѣ Михаила Петровича и онъ со вниманіемъ слушалъ разъясненія директора касательно интересующаго его дѣла. Деврентъ пояснялъ толково. Капиталъ, оставшійся отъ родителей въ наслѣдство Михаилу Петровичу,—въ сиротскомъ судѣ, откуда бабушка, какъ опекунша, можетъ брать проценты, можетъ взять и изъ самаго капитала, указавъ на что нужна просимая сумма и затѣмъ представивъ отчетъ въ израсходованіи таковой. Завѣщанія могутъ дѣлать только совершеннолѣтніе. На этомъ мѣстѣ Михаилъ Петровичъ прервалъ своего воспитателя:

— Но нельзя-ли устроить такъ... Видите: когда намъ нужно было поправлять домъ, бабушка брала тысячу рублей изъ капитала... Ей дали...

— Такъ.

— Теперь, положимъ, мы возьмемъ три тысячи и подаримъ ихъ Акѣ...

Деврентъ пожалъ плечами:

— Ваша бабушка не имѣетъ права дарить кого захочетъ вашимъ капиталомъ...

— Но если я хочу этого?

— По своей волѣ—вы за несовершеннолѣтіемъ не можете распоряжаться даже собственнымъ капиталомъ.

— Но бабушка сдѣлаетъ, какъ я желаю.

— Она не въ правѣ тратить капиталъ вашъ согласно вашимъ желаніямъ, которые могутъ быть безразсудны...

— Но это желаніе не безразсудно...

— Въ глазахъ закона—она не имѣетъ основанія быть удовлетвореннымъ.

Михаилъ Петровичъ вскочилъ съ своего мѣста. Теперь онъ не плакалъ, глаза его блестѣли какою то юно-

шеской отвагой, лицо пылало; онъ какъ бы съ недѣтской энергией защищалъ свою маленькую Акѣ отъ этихъ суровыхъ доводовъ закона, отъ этихъ приговоровъ Акѣ на гибель въ случаѣ кончины близкихъ ей теперь людей. Въ волненіи онъ заходилъ передъ Деврентомъ по комнатѣ взадъ впередъ, заложивъ руки за спину, нѣсколько сгорбившись, являя всей своейстройной фігуркой какое-то странное соединеніе старичка съ ребенкомъ, круглоголовымъ и розовымъ.

— Гдѣ же исходъ?—спрашивалъ онъ Деврента, задумчиво барабанящаго пальцами правой руки по столу,—неужели тутъ невозможно сдѣлать ничего только потому, что я малъ?.. Я малъ, это правда, надо мною есть опека, но я все дѣлаю самъ, только по своей волѣ и желанію. Бабушка стара, не входитъ ни во что. Я завѣдую хозяйствомъ, я смотрѣлъ за поправками въ домѣ, я выбралъ вашъ пансіонъ для воспитанія, я взялъ маленькую Акѣ и воспитываю ее... Состояніе принадлежитъ мнѣ... Я и мое, только есть... Какъ же могутъ мнѣ запретить обеспечить моего ребенка,—рѣшительно не понимаю... Тутъ что нибудь, да не такъ, и я доберусь до того, чего желаю... Малютку мою не растопчутъ люди такъ, какъ точутъ они вонъ эти осыпающіеся листья... Этого не будетъ никогда!..

V.

Дѣло обѣ обезпеченій Акѣ затушевалось совершенно непредвидѣнными обстоятельствами, а именно кончиною Анны Ивановны, случившеюся въ самую глухую осень. Старушка добрый десятокъ лѣтъ предчувствовала скорую смерть, но по странному капризу и недальнозоркости человѣческой природы, когда смерть дѣйствительно стала за ея плечами,—начала отрицать возможность послѣдней и, заболѣвъ плевритомъ, слабѣя съ часу на часъ—обнаружила такое обиліе надеждъ на завтрашній день, когда ей предстояло окончить свое безобразное существованіе, что ввела въ заблужденіе окружающихъ ее на счетъ близости ея кончины. Когда Дарья и ключница послѣдовали ей причаститься, она сперва настала даже какъ бы обидѣлась на подобное предложеніе:

— Чтой-то, миля... совсѣмъ я не такъ больна и никакой нѣтъ опасности... Что меня хороните!

— Ничего не хоронимъ, сударыня... Для здоровья послѣдовали... Богъ здоровья дастъ...

— Это правда... ну, пожалуй... Одѣньте меня, нельзя-же такъ...

Послѣ причастія старушкѣ какъ бы стало легче и она откупала чай и сѣла половину просфоры съ видимымъ удовольствіемъ и аппетитомъ... По адресу Дарьи и ключницы, она сказала:

— Вотъ спасибо, миля, за добрый совѣтъ: пріобщилась и легче себя чувствую... Мишенька дома?

Она сказала положительно впервые „Мишенька“, а не Михаилъ Петровичъ, и сказавъ, какъ бы удивилась чему то, но чему именно, кажется, не могла дать себѣ отчета. Въ ней, въ эти послѣдніе часы ея земнаго существованія, нѣжность и любовь къ внуку высказалась какъ бы безсознательно этимъ уменьшительнымъ именемъ. Съ Михаиломъ Петровичемъ старушка въ этотъ день была какъ-то особенно болтлива, хотя часто задыхалась, безпрестанно хрипла и даже теряла голосъ. Она какъ бы спѣшила наговориться съ нимъ, продержавъ его въ своей комнатѣ до полночи. Лежа въ бѣломъ, съ восковымъ лицомъ, она болтала ему различные пустяки, ни малѣйшимъ намекомъ не высказывая предчувствія близкой кончины. Лампада освещала эту бесѣду стараго и малаго, который, сидя въ креслѣ у ногъ бабушки, отвѣчалъ ей коротко, съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ всматриваясь въ ея восковое лицо. Кругомъ царствовала тишина. Въ полночь больная започивала, дыша почти не перемежающейся хрипотой. Михаилъ Петровичъ провелъ всю ночь въ креслѣ у ногъ умирающей

Весна. Картина Перова. По фотогр. Вишнякова, грав. Ю. Барановский.

и задремалъ, когда уже разсвѣло и свѣтъ октябрскаго утра смѣшался со свѣтомъ погасающей лампады предъ лицомъ Спасителя... Долго-ли продолжалась эта дремота, онъ не зналъ, но проснулся разбуженный какою-то суетой...

День уже наступилъ, но свѣтилъ пасмурно и печально. Дарья, ключница и горничная съ маленькою Акѣ на рукахъ, видимо только что проснувшееся и не прибранною, столпились около кровати, на которой недвижима, съ закрытыми глазами лежала Анна Ива-

ДОНЪ-Ледро Кастильскій.

Исторический рассказъ Э. Шпильмана.

(Окончаніе).

— Старый, глухой слуга, смотрѣвшій за мулами, имѣлъ помѣщеніе въ конюшнѣ, въ глубинѣ двора, моя каморка находилась около самыхъ рѣшетчатыхъ воротъ, ведущихъ съ улицы въ домъ; кромѣ Фелиппо, т. е. старого глухаго слуги, и меня, другой прислуги въ домѣ не было.

Недѣли четыре—можетъ быть и три—каждую ночь въ домѣ приходилъ одинъ сеніоръ кабаллеро.

Я слышалъ и видѣлъ, какъ сеніоръ кабаллеро вошелъ въ первую ночь; проголодавшись, я изъ моей каморки пробрался къ кладовой, надѣясь, что донна Консепсіонъ, по забывчивости, оставила тамъ ключъ и мнѣ удастся захватить пару головокъ луку или кусочекъ ветчины.

Но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ ключа тамъ не было и я, съ пустымъ желудкомъ и раздосадованный, шелъ къ себѣ назадъ, когда вдругъ услыхалъ легкій свистокъ, раздавшійся на улицѣ, около нашего дома.

Я спрятался и сталъ смотрѣть; къ моему удивленію я услыхалъ, что донна Консепсіонъ прошла, шлепая туфлями, по патію.

Сквозь щель въ моей каморкѣ я могъ свободно видѣть все, что происходило у входа въ домъ.

Къ еще большему моему изумленію увидѣлъ я затѣмъ, какъ донна Консепсіонъ вошла въ сѣни, поставила тамъ лампу въ уголъ такимъ образомъ, что свѣтъ отъ нея падалъ на улицу, послѣ того, отперла ворота и впустила того человѣка, который свистѣлъ.

Конечно мое любопытство было чрезвычайно возбуждено и я напрягъ все свое зрѣніе, чтобы разглядѣть незнакомца.

При свѣтѣ лампы донны Консепсіонъ, падавшемъ ему прямо на лицо, я въ немъ ясно узналъ того самаго знатнаго сеніора кабаллеро, котораго видѣлъ однажды съ доносомъ Санху Церборо въ горахъ, но о которомъ вовсе ничего не зналъ, не зналъ, что это самъ король и государь нашъ.

Много ломалъ я себѣ голову, думая о томъ, почему это сеніоръ кабаллеро приходитъ не днемъ, а ночью, да и зачѣмъ вообще приходить онъ, тогда какъ никто другой у донна Базиліо не бывалъ; но ничего узнать мнѣ не пришло, потому что, боясь донны Консепсіонъ, я не рѣшался пробираться въ комнаты и что нибудь подслушать или подглядѣть. Вскорѣ я заснулъ отъ усталости и не видѣлъ какъ кабаллеро ушелъ.

Вслѣдствіе этого я рѣшилъ наблюдать опять въ слѣдующую ночь.

Неизвѣстный пришелъ вновь тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ первый разъ; въ эту ночь донна Консепсіонъ забыла таки ключъ въ двери кладовой и мнѣ удалось достать себѣ добрый кусокъ ветчины; я еще жевалъ его въ своей каморкѣ, какъ кабаллеро, приблизительно часъ спустя послѣ прихода, вышелъ изъ дома, провожаемый донной Консепсіонъ.

Въ слѣдующее утро мнѣ очень хотѣлось спросить донну Консепсіонъ — по какой причинѣ сеніоръ кабаллеро приходитъ ночью, но не осмѣлился это сдѣлать.

Таинственный посѣщенія ночныхъ гостя, между тѣмъ, продолжали страшно разжигать мое любопытство, еще болѣе потому, что это былъ тотъ самый кабаллеро, котораго я встрѣтилъ съ дономъ Санху Церборо въ горахъ.

Такимъ образомъ я караулилъ каждую ночь и, какъ я уже сказалъ, каждую ночь сеніоръ кабаллеро являлся въ домѣ, причемъ такъ близко проходилъ мимо меня, что касался своимъ платьемъ тростниковой перегородки моей комнатки. Объ этихъ ночныхъ посѣщеніяхъ, однако, я не говорилъ никому ни слова, даже и Фелиппо.

Утромъ того дня, который долженъ быть послѣднимъ для патрульного капрала Антоніо Гернандеца, къ намъ въ домѣ пришла спозаранку старая крестьянка; хотя она и не была похожа на ту, что я видѣлъ у Гиральды съ дономъ Базиліо, но въ ней я узналъ прежнюю сеніору. Донна Консепсіонъ тотчасъ ввела ее къ дону Базиліо, а меня услала въ лавку, приказавъ возвратиться черезъ четверть часа.

Когда я пришелъ назадъ, старой крестьянки уже не было; а у воротъ стояли осѣдланые мулы и около нихъ—донъ Базиліо и донна Консепсіонъ, одѣтые по дорожному.

новна съ суровой думой на лицѣ. Какія-то начинающіяся, но при самомъ началѣ замирающія дыханія еще волновали ея грудь... Вдругъ она открыла измученные и усталые глаза и тихо-тихо простонала:

— Други мои милые, тяжело...

испустила духъ... Всѣ остались въ молчаніи недвижимы, только маленькая Акѣ закланялась на рукахъ горничной, своею толстенькой ручкой творя весьма неопределенныхъ очертаній крестное знаменіе...

(До слѣд. №).

ДОНЪ-Ледро Кастильскій.

Исторический рассказъ Э. Шпильмана.

(Окончаніе).

Хуанито, сказалъ мнѣ донъ Базиліо, мы уѣзжаемъ, не знаемъ когда вернемся; ты, умный малый Хуанито! Береги хорошенъко мнѣ домъ, запирайся крѣпко ночью и не выпускай никого ни днемъ, ни по ночамъ; вотъ тебѣ деньги, а кромѣ того донна Консепсіонъ вынула для тебя изъ кладовой пару квартиръ—чесноку и окорокъ ветчины.

Такъ сказалъ мнѣ донъ Базиліо и затѣмъ онъ и донна Консепсіонъ сѣли на муловъ и уѣхали въ сопровожденіи глухаго Фелиппо.

— Карамба! снова проговорилъ король, слушавшій разсказъ Хуанито съ большимъ вниманіемъ,—крестьянина эта была Хуана Фернандецъ; она теперь, за одно съ моимъ братомъ и негодяемъ дономъ Базиліо, стараются мнѣ навредить въ Арагонѣ! Лживая, вѣроломная женщина! Но, клянусь распятіемъ, я доберусь до васъ и вамъ съмѣю отомстить! Йдомъ и кинжаломъ, если надо будетъ! Ты желалъ этого, братъ мой, желала и ты, лживая женщина! Смерть Антоніо Гернандеца пришла мнѣ кстати!

Хуанито продолжалъ:

— Ну, я долженъ признать, что донна Консепсіонъ—въ самомъ дѣлѣ выложила мнѣ два квартиръса и окорокъ, но конечно, чеснокъ былъ самый мелкій, а окорокъ—самый худощавый изъ всего запаса. Оставшись господиномъ въ домѣ, я осмотрѣлъ всѣ углы, чего никогда не смѣль дѣлать въ присутствіи донны Консепсіонъ. Многаго это мнѣ не принесло, такъ какъ старуха все крѣпко на крѣпко заперла, но—къ удивленію забыла увести ключъ отъ своей собственной комнаты.

Такъ какъ эта комната была въ тысячу разъ удобнѣе моей кануры, то я и устроился въ ней, предварительно обшаривъ ее основательно по всѣмъ направлѣніямъ; въ одномъ шкафчикѣ, между прочимъ, я открылъ драгоценный складъ сластей, тамъ же нашелъ и кружечку анизовай водки, которую поспѣшилъ выпить.

Когда наступила ночь, мнѣ стало немного жутко одному въ большомъ домѣ, а потому разыскавъ лампу дуэни и масло, оставленное ею, я эту лампу зажегъ и улегся на постель донны Консепсіонъ, подумавъ со смѣхомъ: что бы тебѣ эта старая карга надѣлала, еслибы теперь увидела тебя тутъ! Затѣмъ я заснуль.

Однако, сласти, которыхъ я наѣлся, не давали мнѣ уснуть хорошенъко, я постоянно просыпался, ворочаясь съ одного бока на другой.

Въ томъ же самомъ шкафчикѣ я нашелъ и маленькую книжечку, съ раскрашенными изображеніями нашего святаго патрона.

Э, подумалъ я,—вмѣсто того чтобы тебѣ ворочаться тутъ на постели, лучше поглядѣть эту книжку; я не былъ очень утомленнымъ, такъ какъ въ этотъ день старуха не успѣла загонять меня по своему обыкновенію.

Прошло уже съ частью времени, что я разсмотрѣвалъ книжку, когда на улицѣ—а окна комнаты донны Консепсіонъ выходили, надо вамъ знать, выходили на улицу—раздался свистъ кабаллеро, о которомъ я, въ теченіи дня, совсѣмъ и забылъ.

Испуганный, я, самъ не зная для чего, задулъ лампу и подѣжалъ къ окну, желая хоть послушать, потому что видѣть въ эту темень что либо было невозможно.

Кабаллеро свинулъ вновь, потомъ ударилъ въ ворота, такъ что они затрешали, а когда и это не помогло, то, схвативъ рѣшетку, началъ трясти ее съ такою силой, что я думалъ—дверь слетѣть съ петель.

Я сѣжалъ по темной лѣстницѣ внизъ, въ сѣни и остановился по эту сторону рѣшетки, прямо противъ кабаллеро и такъ близко къ нему, что почувствовалъ его дыханіе.

— Милосердая Владычица! подумалъ я,—онъ непремѣнно сорветъ дверь съ петель и изъ косяка! и уже хотѣлъ ему крикнуть, что никого нѣтъ дома, какъ вдругъ услыхалъ голосъ капрала, послѣ чего кабаллеро бросилъ рѣшетку.

Между капраломъ и кабаллеро послѣдовалъ краткій разговоръ, каждое слово котораго ясно достигало моего слуха, хотя я и не могъ разглядѣть ясно фигуру обоихъ; затѣмъ, сеніоръ опять сталъ дергать за рѣшетку.

— Ну, рѣшетка-то выдержитъ! подумалъ я, отодвинувшись только немножко назадъ, но тотчасъ-же кабаллеро вновь оста-

вилъ рѣшетку и я услыхалъ какъ онъ крикнулъ. Карамба, собака! какъ смѣешь ты дотрогиваться до меня — и не прошло минуты, какъ раздался звонъ двухъ встрѣтившихся шагъ.

Затаивъ дыханіе, и съ бьющимся отъ страха сердцемъ, прислушивался я.

Еще нѣсколько мгновеній спустя я услыхалъ легкій стонъ и звукъ тяжело упавшаго на мостовую тѣла одного изъ сражавшихся — его стонъ слышался еще немногого времени и затѣмъ наступила глухая тишина. Паль-ли то сендоръ кабаллеро или капраль? Какъ ни прижималъ я лицо къ рѣшеткѣ, но сквозь темноту разсмотрѣть не могъ.

Тутъ послышался голосъ кабаллеро.

— Умеръ! клянусь! мнѣ его жаль, дрался не дурно! проговорилъ онъ, и вскорѣ удалился поспешными шагами.

Мною овладѣлъ ужасъ при мысли объ убитомъ капраль, лежавшемъ снаружи, и страшно сдѣлалось мнѣ оставаться одному въ пустомъ домѣ.

Я вѣжъяль въ комнату донны Консепсіонъ, чтобы опять за-жечь лампу, но въ страхѣ никакъ не могъ найти кремня.

Бѣги въ горы, тамъ ты дома, тамъ тебѣ не кого бояться! рѣшилъ я и схвативъ съ собой окорокъ и чеснокъ, перелѣзъ черезъ садовую стѣну и прямо направился къ горамъ, которыхъ знаю какъ свой карманъ и гдѣ никто мнѣ не страшенъ.

Вчера я съ крестьянами пришелъ назадъ изъ горъ, въ Севилью, куда меня страшно тянуло; да это, впрочемъ, сюда не относится.

Въ Севильѣ всѣ только и говорили объ убийствѣ капрала, а также и о томъ, что дѣло идетъ о головѣ дона Санхо Церборо, здѣшняго губернатора, если ему не удастся открыть убийцу Антоніо Гернандеца. А я зналъ его убийцу, да и жизнь дона Санхо была въ опасности! Ни одной минуты не колебался я, ибо такъ много обязанъ дону Санхо, что готовъ мою жизнь отдать за него; сейчасъ-же я пошелъ къ нему въ домъ, но встрѣтилъ его самого въ улицѣ Ла-Муэла. Я рассказалъ ему все что зналъ, какъ рассказываю вамъ здѣсь, и предъ Пресвятой Владычицей клянусь, что всякое мое слово истина. Онъ замолчалъ.

— Государь и повелитель мой, вы слышали обвиненіе Хуанито Алѣзаро? спросилъ президентъ.

— Слышалъ, сендоръ президентъ, и желаю сдѣлать этому молодцу одинъ вопросъ.

— Соизвольте.

— Хуанито Алѣзаро, ты самъ сказалъ, что въ ту ночь, когда патрульный капраль улицы дель-Каридадъ, Антоніо Гернандеца, убитъ, было такъ темно, что ты не могъ ясно разсмотреть фигуры тѣхъ, кто тамъ находился; почему-же, съ такою увѣренностью утверждаешь, что кабаллеро, убившій капрала, есть тотъ же самый, котораго ты видѣлъ съ дономъ Санхо въ горахъ и который приходилъ по ночамъ въ домъ дона Базиліо. По какому признаку ты его могъ такъ вѣрно знать?

— По какому признаку узналъ я сендора кабаллеро, несмотря на ночь и темноту, государь, король! По тому признаку, по которому теперь, съ закрытыми глазами, узналъ-бы, что ты, государь, король мой, есть сендоръ кабаллеро бѣхавшій съ дономъ Санхо въ горахъ! По запаху жасминовъ, государь, король мой, который слышался отъ одѣянія того кабаллеро, а также и кабаллеро, приходившаго по ночамъ въ домъ дона Базиліо, слышится и теперь отъ твоихъ одеждъ! И такъ, государь, король, говорю я: ты — кабаллеро, убившій капрала!

Съ минуту король молчалъ, затѣмъ вскинувъ голову, онъ испытывающе взглянуль на юношу и произнесъ: вы, горцы, обладаете зоркимъ глазомъ! Ну, сендоры президентъ и члены суда двадцати четырехъ, — патрульного капрала улицы дель-Каридадъ, Антоніо Гернандеца, убиль я, донъ Педро, король Кастилии и Леона, но — замѣтите, сендоры! — въ поединкѣ, въ честномъ поединкѣ!

— Государь — король! воскликнулъ донъ Санхо торжественнымъ голосомъ, — государь, король, не можетъ быть поединка между королемъ и подданнымъ!

Наступила пауза.

— Ты правъ, сендоръ президентъ! произнесъ король съ величиемъ, — ты правъ! Не можетъ быть поединка между королемъ и подданнымъ; и такъ, сендоры президентъ и суды, я, король донъ Педро Кастилии и Леона, убиль охранителя закона, Антоніо Гернандеца.

— Вы слышали слова короля Кастилии и Леона, сендоры суды?

— Слышали, сендоръ президентъ!

— На основаніи закона, изданного королемъ, государемъ нашимъ, убийство наказывается смертною казнью! Въ томъ-же королевскомъ законѣ сказано: „всѣ и каждый въ Севильѣ равны предъ закономъ“! Теперь я, вашъ президентъ, васъ спрашиваю: падаетъ-ли на короля дона Педро вина въ убийствѣ патрульного капрала улицы дель Каридадъ, Антоніо Гернандеца?

— Да! Отвѣтили суды.

— Каковъ-же вашъ приговоръ?

— Смертная казнь!

И среди глубокаго безмолвія, президентъ обратился къ королю: король Кастилии и Леона, вы слышали свой приговоръ?

— Слышаль, сендоръ президентъ!

— Но король, въ силу данной ему Богомъ власти, произнесъ президентъ, — можетъ помиловать осужденнаго; желаете ли, мой король и повелитель, воспользоваться этимъ Богомъ даннымъ ему правомъ и даровать помилованіе королю дону Педру Кастилии и Леона?

— Нѣть не желаю! отвѣтилъ король.

— Въ такомъ случаѣ, да будетъ приведенъ въ исполненіе приговоръ суда!

Глухой ропотъ пронесся въ народѣ и донъ Хуанъ де-Альбюкеркъ, выхвативъ шагу, бросился въ середину полукруга и сталъ около короля.

— Приказываю народу молчать! уваженіе къ суду! громко воскликнулъ донъ Санхо, вложите вашу шагу въ ножны, сендоръ кабаллеро, и удалитесь.

Донъ Хуанъ не двигался съ мѣста.

— Альгавазилы! снова воскликнулъ президентъ — возстановите уваженіе къ суду и удалите кабаллеро!

Альгавазилы повиновались, но донъ Хуанъ, замахавъ шлагой, крикнулъ громовымъ голосомъ и сверкая глазами: я положу первого, кто осмѣлится дотронуться до моего короля или до меня!

— Вложи шагу, донъ Хуанъ, и уйди, я приказываю тебѣ произнесъ король.

Нехотя повиновался кабаллеро.

— Сендоръ донъ Рамиро де Альбуфера! снова возвысилъ президентъ свой голосъ, — по высокому происхожденію вашему и знатному имени, вы — первый изъ членовъ суда вентикватрасъ; только знатнѣйший можетъ выполнить приговоръ суда въ этомъ случаѣ; встаньте, обнажите вашу шагу и приблизьтесь къ вашему президенту!

Снова послышался ропотъ въ народѣ и снова къ нему обратился донъ Санхо съ воззваніемъ, но донъ Рамиро остановился въ нерѣшительности.

— Вы колеблетесь оказать повиновеніе своему президенту, сендоръ судья, спросилъ донъ Санхо, съ такимъ строгимъ достоинствомъ, что донъ Рамиро тотчасъ же поднялся, обнажилъ шагу и подошелъ къ президенту.

Король стоялъ, величавый и торжественный, твердо глядѣли его гордые глаза въ лицо президенту.

— Король, государь мой! снова обратился президентъ къ королю, — Богомъ поставлены вы королемъ, свята и неприкосновенна ваша священная особа помазанника Божія, и только предъ единствомъ Богомъ отвѣчаете вы за свои дѣла; но: „всѣ и каждый въ Севильѣ равны предъ закономъ“, сказано въ законѣ, вами установленномъ, и всякий кто преступилъ его — преступникъ предъ вами, ваше же дѣяніе можетъ получить возмездіе только символически!

По знаку президента, черный занавѣси, скрывавшія до сихъ поръ таинственные подмости, были сброшены и глазамъ всѣхъ представилась сдѣланная въ натуральную величину изъ воска фигура короля, облеченнаго въ королевскій пурпуръ.

Сендоръ судья донъ Рамиро де Альбуфера! воскликнулъ президентъ, — выполните надъ изображеніемъ осужденнаго возложенную на васъ обязанность.

Донъ Рамиро поднялся по ступенямъ на подмости и однимъ ударомъ своей шаги отрубилъ фигурѣ голову, которую Альгавазилъ подхватилъ руками и поднялъ высоко надъ толпой.

Законъ удовлетворенъ, преступленіе наказано! произнесъ донъ Санхо, — Альгавазилъ Эстебанъ Авaledо, — позвоните въ знакъ того, что высокій трибуналъ вентикватрасъ кончилъ свое судебное засѣданіе и вы, сендоры судьи, преклонитесь какъ вѣрноподданные предъ вашимъ королемъ и господиномъ.

Колокольчикъ зазвонилъ вновь и донъ Санхо и суды опустились на колѣни передъ королемъ.

— Донъ Санхо Церборо! воскликнулъ весело король — вижу теперь, что то Сама Милосердная Царица Небесная заставила меня заблудиться на охотѣ и привела въ твой домъ, чтобы я открылъ тебя! Я благодарю Ее за то, что Она дала мнѣ возможность увести тебя изъ твоихъ горъ и отдать въ твои руки вѣсы правосудія въ Севильѣ. Клянусь Святымъ Распятіемъ, у тебя они ходятъ вѣрно, ты только смотришь на законъ! Прими за то благодарность твоего короля и господина, и какъ умно, съ какимъ глубокимъ смысломъ ты съумѣлъ изобразить смѣлое подобіе суда надо мною! Но я, король Донъ Педро, желаю чтобы отрубленная голова моего изображенія была выставлена надъ Торре дель Оро въ воспоминаніе твоего справедливаго решенія, а также и въ знакъ того, что король донъ Педро подчинился закону! Однако, такъ какъ всѣ, изъ котораго художника, по твоему приказанію, сендоръ губернаторъ, вылѣшилъ мою фигуру, не выдержитъ долго яркихъ лучей Севильскаго солнца, то пусть тотъ же самый артистъ изваяетъ мою королевскую голову изъ мрамора и эта мраморная голова будетъ на вѣчныя времена выставлена надъ Торре-дель-Оро! А ты, Хуанито Алѣзаро, мой храбрецъ, подойди-ка теперь къ своему королю.

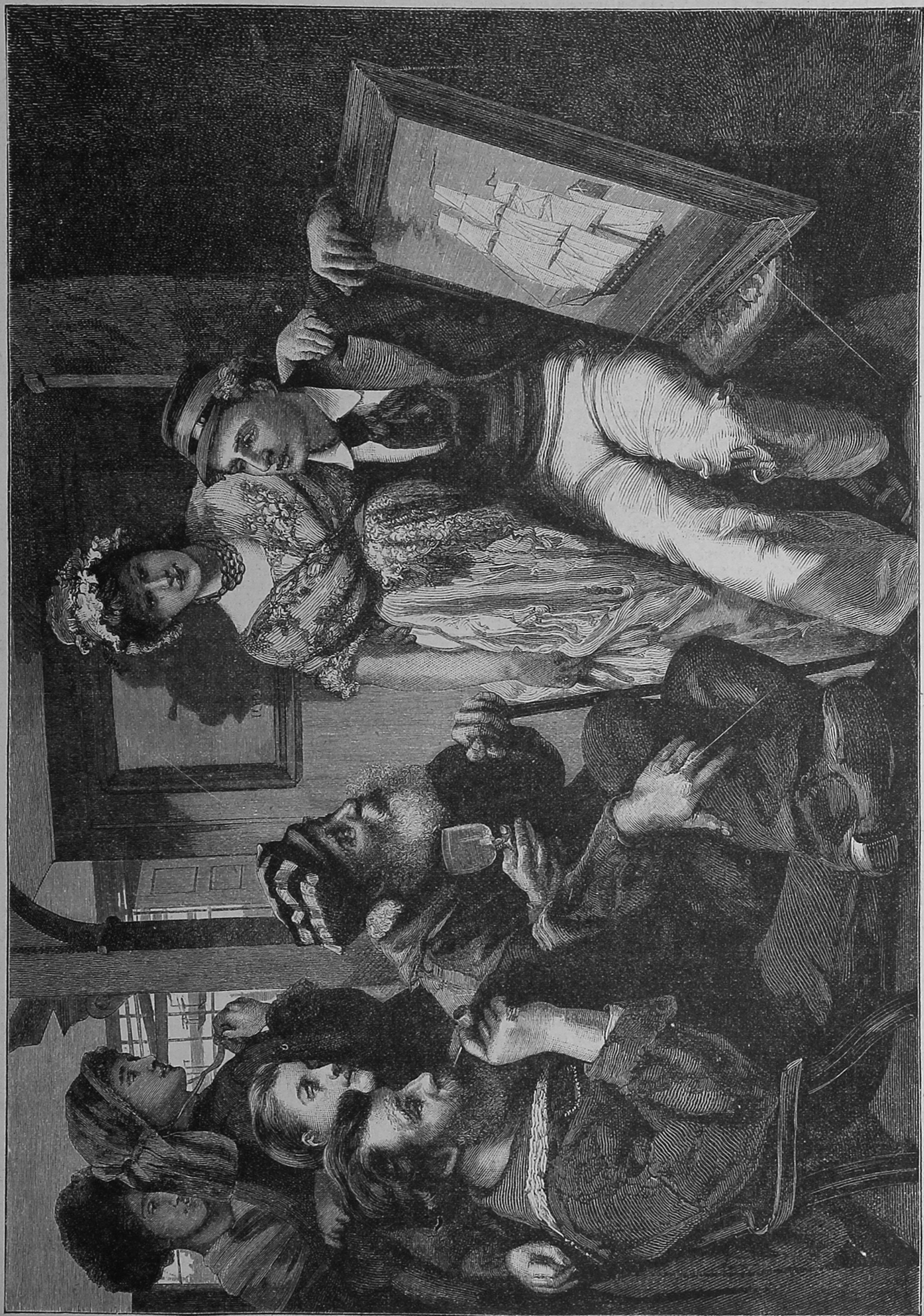
Хуанито выступилъ впередъ и сталъ на колѣни.

Король обнажилъ шагу.

Хуанито, убѣжденный, что король рѣшилъ немедленно же наказать его, только на минуту почувствовалъ страхъ, затѣмъ онъ прошепталъ: „за тебя, Аделаїда, за твоего отца, съ радостью умираетъ Хуанито!“ Король, угадавшій мысль юноши, улыбнулся и съ минуту молча глядѣлъ на красавца.

Материнская любовь. Съ карт. Мейрона, грав. Меоль.

,,Полли“ моя жена и „Полли“ мой корабль! Съ карт. Х. Симонса, грав. Рашевской.

— Хуанито Альваро, произнес онъ затѣмъ величавымъ, но мягкимъ голосомъ,—своимъ мужественнымъ обвиненіемъ ты доказалъ своему королю, что обладаешь ясной головой и храбрымъ сердцемъ и кромѣ того, этимъ обвиненіемъ оказалъ ему большую услугу; въ чемъ она состоится—эта тайна твоего короля, но мужество твое заслужило награду!

И король своей шпагой три раза дотронулъся до плеча Хуанито. Встань, сеноръ кабаллеро Хуанито Альваро! сказалъ онъ.

— О мой государь и король! восторженно воскликнулъ Хуанито,—какъ могъ я бѣднякъ заслужить такую милость! И онъ прижалъ къ губамъ край королевскаго плаща.

Король повернулся и сдѣлавъ дону Санху судьямъ величавый, прощальный жестъ рукой, кивнулъ донъ Хуано, который подвелъ къ нему коня.

Донъ Педро медленно поѣхалъ по улицѣ, переполненной народомъ и сопровождаемый вилотъ до Альказара восторженными, неумолчными кликами: „Viva el Rey!”

Во многихъ мѣстахъ раздавались и другіе единодушные клики, —клики: „Viva el Gobernatore!”

— Ты обнимаешь рыцаря! сказалъ донъ Санху, толкая Хуанито къ невѣстѣ и, въ краткихъ словахъ, передалъ женѣ и docheri обо всемъ, что произошло.

— Онъ заслуживаетъ быть рыцаремъ! съ гордой радостью произнесла Аделаида,—но мое сердце принадлежало бы на всегда и простому бѣдняку—Хуанито!

— Я былъ богатъ и тогда твою любовью, Аделаида; благодарю тебя, моя невѣста; а теперь бѣденъ деньгами и имѣніями и кабаллеро Хуанито! Я тебѣ ничего не могу дать, кромѣ моей любви и хижины!

— А развѣ этого не достаточно для Аделаиды? но гдѣ же твоя хижина?

— Въ горахъ!

— Въ горахъ! пламенно воскликнула Аделаида,—въ горахъ, гдѣ расцвѣла наша любовь—о, отецъ, возвратимся въ горы! Но—нѣть, нѣть! отецъ! твоя жизнь принадлежитъ королю и твои дѣти останутся съ тобой и съ матерью!

Судъ надъ животными.

Очеркъ.

Изъ всѣхъ поражающихъ своею странностью обычаяевъ прежняго времени, ни одинъ не представляется въ такой же мѣрѣ пелѣнъ, какъ устроеніе формального суда надъ животными, обвиняемыми въ высшихъ преступленіяхъ и иныхъ незаконныхъ дѣяніяхъ! Между тѣмъ, судебное преслѣдованіе неразумныхъ существъ продолжалось, нимного-нимало, какъ съ двѣнадцатого по семнадцатое столѣтіе; слѣдовательно, оно сравнительно близко къ нашему времени, когда даже люди не предаются суду или оправдываются по обвиненію въ различныхъ важныхъ преступленіяхъ, разъ доказано ненормальное состояніе ихъ умственныхъ способностей. Понятно, насколько интересна эта страничка изъ исторіи человѣческихъ заблужденій.

Процессы подобного рода велись со всею торжественностью отправленія правосудія. Обвиняемымъ животнымъ всегда назначались защитники. При этомъ, домашнія животныя предавались обыкновеннымъ уголовнымъ судамъ; дѣла же такихъ существъ, какъ крысы, гусеницы, стрекозы и т. п., разбирались въ духовныхъ судахъ. Первый приговоръ, произнесенный надъ подобными преступниками, относится къ двѣнадцатому столѣтію. А именно, Лаонскій епископъ издалъ въ 1120 году повелѣніе противъ стрекозъ и полевыхъ мышей, вслѣдствіе произведеній ими опустошеній.

Судебное производство велось въ такихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ. Животное подвергалось предварительному тюремному заключенію. Въ день суда, прокуроръ или чиновникъ, на которого возлагалось обвиненіе, выслушивалъ показанія свидѣтелей и, основываясь на нихъ, доказывалъ преступленіе. Послѣ этого, по выслушаніи защиты и признаніи виновности, судья произносилъ приговоръ, въ смыслѣ смертной казни чрезъ задушеніе или повѣщеніе за заднія ноги, на дубовомъ деревѣ или на настоящей висѣлицѣ, смотря по обычаямъ страны. Въ случаѣ вреда, напосимаго животными собственности, отъ которого терпѣли жители округа, судомъ назначались эксперты для разслѣданія и донесенія. Затѣмъ, назначался юристъ для защиты животныхъ. По троекратномъ вызовѣ послѣднихъ и непоявлѣніи въ судѣ, произносился надъ ними заочный приговоръ. Не ограничиваясь этимъ, судь выпускалъ увѣщаніе, въ которомъ животнымъ предлагалось оставить округъ въ извѣстный срокъ, и по истеченіи послѣдняго, если они продолжали вредить, они предавались анаемѣ съ надлежащей торжественностью. Однако, неразъ случалось, что дерзновенные животныя не только не внимали строгому приговору, не исчезали съ лица земли, какъ имъ предлагалось, но напротивъ, становились еще многочисленнѣе и вреднѣе. И законовѣды приписывали подобное неожиданное послѣдствіе несправедливости приговора или безсилію суда, а проискамъ сатаны, не-перестающаго всячески надоѣдать и пакостить человѣческому роду.

Съ тринадцатаго по шестнадцатое столѣтіе часто происходили судебные преслѣдованія свиней, обвиняемыхъ въ пожираніи дѣтей. Въ средніе вѣка эти животныя зачастую и въ большомъ количествѣ бѣгали по улицамъ селъ и городовъ, отличаясь, повидимому, при этомъ гораздо болѣе склонностью къ человѣческому мясу, нежели теперь, когда они, кстати, не пользуются и прежней свободой. Такъ, одинъ приговоръ, произнесенный въ 1494 году надъ свиньей, по обвиненію ея въ изуродованіи и задушении ребенка въ колыбели, гласилъ: „Мы, со страхомъ и омерзеніемъ, внушаемъ симъ преступленіемъ, дабы показать примѣръ и удовлетворить правосудіе...“ приговариваемъ животное къ повѣщенію. Въ 1497 году, другая свинья была приговорена къ избѣженію до смерти по обвиненію въ томъ, что отѣзла подбородокъ у одного ребенка. При этомъ, согласно приговору, мясо ея должно было быть брошено собакамъ; хозяевамъ же животнаго предписывалось отправиться на богомолье въ Понтуазъ, въ чемъ доставить оттуда удостовѣреніе. Казнь совершилась со всею торжественностью, на обширныхъ

площадяхъ, при огромномъ стеченіи народа; осужденныхъ животныхъ облекали иногда въ человѣческую одежду.

Быки на ряду со свиньями подвергались точно такому же судебному преслѣдованію и наказанію, равно и лошади, виновныя въ убийствѣ.

Въ изданіи „Mémoires de la Société Académique de Savoie“ имѣется любопытный разсказъ о процессѣ, возбужденномъ въ 1587 году противъ особаго жучка, производившаго большій опустошенія въ виноградникахъ св. Жюльена. Первый набѣгъ сюда былъ сдѣланъ насѣкомыми въ 1855 году. Тотчасъ же были назначены тогда два законовѣда,—одинъ по избранію жителей мѣстности, другой для защиты насѣкомыхъ. Но къ удивленію, жучки исчезли и дѣло было прекращено. Однако, черезъ сорокъ два года, въ 1587 году вновь появились здѣсь подобныя же насѣкомыя и начали наносить огромный вредъ сельскому хозяйству. Назначенъ былъ судья и защитникъ. Послѣ нѣсколькихъ судебныхъ засѣданій, жители св. Жюльена были извѣщены о необходимости отвести участокъ земли въ виноградниковъ, где жучки могли бы жить безъ вреда для садовъ. Участокъ этотъ долженствовалъ быть извѣстнаго размѣра, съ деревьями, травой и т. п., въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества. На это предложеніе послѣдовало согласіе со стороны обездоленныхъ жителей, но повѣренный отъ жучковъ заявилъ, отъ имени послѣднихъ, о несогласіи ихъ на предлагаемый участокъ, въ виду его скучности и бесплодности. Противная сторона представила на это свое возраженіе, а затѣмъ были избраны посредники для разрешенія возникшаго спора. На этомъ названной рукопись прерывается и остается неизвѣстнымъ, чѣмъ кончилось это высоко-курьезное дѣло.

Но ни одинъ округъ не имѣлъ права возбуждать подобные процессы, неуплативъ всѣхъ недоимокъ по десятинному сбору, откуда и возникло хорошо-извѣстное тогда французское юридическое правило: „первый шагъ къ освобожденію отъ гусеницъ есть уплата десятины.“ Повидимому, духовенство и правовѣды отлично сходились между собою въ этихъ вещахъ.

Вызовъ на судъ обвиняемыхъ животныхъ возлагался на особаго чиновника, который и вычитывалъ его въ мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ ими. Разумѣется, это ни къ чему не вело и приговоръ постановлялся заочно; однако, считалось необходимымъ, чтобы хоть нѣкоторая изъ обвиняемыхъ присутствовали при его прочтѣніи. Такимъ образомъ, при разборѣ дѣла о пиявкахъ въ Лозаннѣ, значительное число ихъ было доставлено въ засѣданіе суда для выслушанія приговора, увѣщавшаго ихъ, впродолженіи трехъ дней оставить округъ. При этомъ дѣлалось и описание обвиняемыхъ. Во время суда надъ крысами въ Отенской эпархіи, послѣднія описывались, какъ существа грязныя, на подобіе крысъ, сѣраго цвѣта, живущія въ норахъ. Процессъ этотъ замѣченъ въ исторіи французскаго права, ибо на немъ знаменитый адвокатъ Шассене (Chasseneuz) получилъ свои первые лавры. Крысы не явились по первому вызову. Тогда повѣренный ихъ Шассене заявилъ, что первое требование явиться передъ судомъ имѣло слишкомъ мѣстный и индивидуальный характеръ; что такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ заинтересованы всѣ крысы эпархіи, то всѣ и должны быть вызваны на судъ. Заявленіе это было уважено, и каждому священнику эпархіи было приказано вызвать на судъ къ слѣдующему дню всѣхъ крысъ своего участка. Наступилъ день назначенный вторично для разбора. Ни одной крысы! Такъ какъ заявилъ тогда вновь Шассене—теперь потребованы къ суду всѣ крысы, старыя и молодыя, здоровыя и больныя, то естественно необходимы большія приготовленія, впередъ до окончанія которыхъ дѣло должно быть отложено. Судь согласился съ этимъ соображеніемъ адвоката и назначилъ другой день для разбора. Обвиняемыя опять не явились и тѣмъ вынудили своего повѣреннаго сдѣлать возраженіе противъ условій вызова. Вызовъ со стороны суда—сказалъ онъ—обеспечиваетъ безопасн

ность для вызываемыхъ сторонъ, какъ на пути къ разбирательству, такъ и во время возвращенія домой; между тѣмъ, его клиенты, крысы, при всемъ своемъ желаніи предстать передъ судомъ, не рѣшаются выйти изъ своихъ поръ изъ опасенія кошекъ, которыхъ такъ много у истцовъ. Пусть послѣдніе—продолжалъ онъ—дадутъ обязательство, подъ страхомъ крупныхъ денежныхъ штрафовъ, что кошки ихъ не сдѣлаютъ никакого вреда моимъ довѣрительницамъ и тогда—онъ въ судѣ. Судъ призналъ силу этого объясненія, но истцы не рѣшились поручиться за добродорядочное поведеніе своихъ кошекъ, и Шоссено оказался побѣдителемъ.

Не менѣе курьезенъ другой подобный-же процессъ. Въ 1479 г. окрестность Лозанны подверглась опустошительному нападенію маекъ (насѣкомыхъ), противъ которыхъ и былъ тотчасъ-же вчиненъ искъ. Насѣкомые были потребованы къ епископскому суду, въ защитники-же имъ назначенъ былъ нѣкто Перроде, умерший за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ! Разумѣется, на засѣданіе суда не явились ни адвокатъ, ни подсудимые, и былъ постановленъ относительно ихъ заочный приговоръ, латинскій текстъ котораго до сихъ поръ хранится въ Лозаннѣ. Насѣкомые отлучились отъ церкви, во имя Святой Троицы и Пресвя-

той Богородицы, и имъ и ихъ потомкамъ приказывалось на-всегда покинуть Лозанскую епархію!

Въ семнадцатомъ столѣтіи судебная преслѣдованія становятся уже гораздо рѣже—духовенство почти отказалось отъ подобныхъ нелѣпыхъ обычаяевъ. Однако, они не исчезаютъ еще совсѣмъ въ этомъ столѣтіи, столь близкомъ къ намъ, и поражаютъ возникновеніемъ то здѣсь, то тамъ. Такимъ образомъ, одинъ путешественникъ по Америкѣ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Канадѣ, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, передаетъ,—“горлицы оказались столь многочисленными въ странѣ, что епископъ принужденъ былъ нѣсколько разъ отлучать ихъ отъ церкви, по причинѣ производившихся ими опустошеній.” Тоже самое было предпринято въ Перу противъ терmitovъ,—родъ бѣлыхъ муравьевъ,—которые забирались въ библиотеки и пожирали книги.

Теперь, въ наше время, животныя не подвергаются судебному преслѣдованію, но прежнее возврѣніе, несмотря на всю его нелѣпость, было такъ упорно, что, поискавъ, мы нашли бы слѣды его сохранившимися до сихъ поръ..., хотябы въ жестокости, проявляемой иногда людьми противъ провинившихся животныхъ...

Къ рисункамъ.

Жертвоприношенія Баалу въ Карѳагенѣ.

(Рис. на стр. 268 и 269).

Цѣлые восемь столѣтій Карѳагенъ составлялъ сильное, могущественное государство; въ немъ процвѣтали науки и искусства; было доведено до высокаго совершенства землемѣру, ремесла, горное дѣло и торговля, и казалось-бы что такое относительно высокое умственное развитіе народа должно-бы смягчить и облагородить его нравы, но историческіе факты говорятъ противное. До самаго своего паденія, Карѳагенъ оставался государствомъ жестокимъ и варварскимъ, гдѣ никогда не прекращались человѣческія жертвы и отвратительно кровавые обряды культа Баала. Бааль — страшное божество Карѳагена, постоянно требовало крови; всегда грозное и свирѣпое, оно смягчалось лишь ежегодною данью жертвъ, набираемыхъ изъ дѣтей или военноплѣнныхъ. Даже самое устройство истукана Баала было принаровлено къ этой ужасной цѣли; внутренность его громаднаго мѣднаго изображенія была пустая; самая фигура представляла собою чудовище съ бычачьей головою и съ поднятыми вверхъ, въ наклонномъ положеніи, руками, на которыхъ и клали дѣтей, приносимыхъ въ жертву. Несчастные мгновенно скатывались по рукамъ прямо въ огромную пасть идола и упадали въ пламя. Въ обыкновенные дни Баалу закалывалось въ жертву множество быковъ и молодыхъ лошадей, но въ дни торжественные или въ дни народнаго бѣдствія онъ требовалъ другихъ, болѣе изысканныхъ жертвъ, и тогда передъ идоломъ происходили самыя трагическія сцены. Самыя матери приносили сюда своихъ первенцевъ и совершенно безстрастно и безучастно, какъ то требовалось обрядностью, бросали ихъ въ раскаленное жерло идола; ни одна слеза не должна была показаться на ихъ глазахъ; ни одинъ вздохъ не долженъ быть вырваться изъ ихъ груди; малѣйшее проявление материнской любви и горя уничтожало разомъ все достоинство жертвы, портило весь эффектъ жертвоприношенія. Даже лучшіе люди Карѳагена не были извѣтны отъ грубаго, кроваваго суевѣрія; такъ даже герой Гамилькаръ, послѣ пораженія въ Сициліи, для умилостивленія Баала принесъ ему торжественно въ жертву мальчика. Въ дни же народнаго бѣдствія передъ Бааломъ лились цѣлые потоки крови, какъ напр. во время страшной чумы, часто опустошившей Карѳагенъ или по поводу какой нибудь военной неудачи. Такъ когда Агафокль явился со своимъ войскомъ подъ стѣнами Карѳагена, то въ самомъ городѣ, въ жертву Баалу было принесено 200 мальчиковъ лучшихъ фамилій и триста гражданъ попали добровольно на закланіе: даже женщины кидались въ огонь и стоически погибали во всепожирающемъ пламени. И удивительно, что этотъ ужасный кульпъ имѣлъ какую-то обаятельную прелестъ для жителей Карѳагена, Тира и Сидона; имъ даже могли увлекаться и другія, совсѣмъ народности, какъ это мы видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи, гдѣ упоминается, что и евреи иногда увлекались служеніемъ Баалу и кровавыми обрядностями его культа. Можетъ быть, впрочемъ, что ихъ увлекала и другая сторона торжествъ и праздниковъ въ честь Баала; здѣсь передъ безобразнымъ чудовищемъ, чтобы заглушить крики и стоны несчастныхъ жертвъ, гремѣла шумная музыка: били въ барабаны и играли на флейтахъ и арфахъ; здѣсь же собирались лучшія красавицы и происходили бѣшеные, сладострастные танцы. Повсюду выставлялась на видъ самая изысканная роскошь; повсюду билось на эффектъ, и потому неудивительно, что даже строгіе евреи иногда увлекались, измѣняли Еговѣ и дѣлались поклонниками Баала. И долгъ, даже подъ римскимъ владычествомъ, карѳагеняне не могли забыть своихъ кровавыхъ обрядовъ и, не имѣя возможности выполнять ихъ торжественно и открыто, такъ какъ это абсолютно запрещалось римскимъ правительствомъ, приносили человѣческія жерт-

вы тайно, и этотъ тайный, ужасный кульпъ существовалъ даже въ христіанскую эру въ началѣ третьаго вѣка.

Но эти недозволенные сбороища поклонниковъ Баала и ихъ страшные обряды уже тогда строго и жестоко преслѣдовались. Такъ Тертуліанъ разсказываетъ, что когда Тиверій былъ проконсуломъ Африки, то жрецы Баала, уличенные въ жертвоприношениі дѣтей, были повѣшены римскими солдатами тутъ-же, въ храмѣ. Наконецъ, мало по малу, человѣческія жертвы совершиенно прекратились въ предѣлахъ римскаго мѣра; обновленный христіанствомъ народъ уже чуждался ужасныхъ, гнусныхъ, кровавыхъ обрядностей, но въ Америкѣ, до самаго вторженія туда европейцевъ, человѣческія жертвы были очень обычными явленіемъ и даже самое устройство тамъ идоловъ было очень схоже съ устройствомъ древне-карѳагенскаго Баала. Такъ въ 1518 году, въ Мексикѣ, на островахъ Мексиканскаго залива нашли много пустыхъ внутри, металлическихъ истукановъ громадной величины съ поднятыми въ наклонномъ положеніи руками. Во внутренности этихъ идоловъ еще сохранились обугленныя кости несчастныхъ жертвъ, что и послужило несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ ужаснаго назначенія.

Картина талантливаго художника Гейнриха Мотта, снимокъ которой мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ „Нивы“, изображаетъ торжественное жертвоприношеніе Баалу, на которое собралось почти все населеніе Карѳагена. Цѣлые сотни жертвъ, рабовъ и военноплѣнныхъ, ведутся въ цѣпяхъ въ огненное жерло истукана, чтобы принять тамъ мучительную, ужасную смерть. Этихъ несчастныхъ силою гонятъ на казнь, и въ тоже время народъ падаетъ передъ ними ницъ, какъ передъ священными жертвами грознаго бога, предназначеными умилостивить его и спасти какъ городъ, такъ и всю страну отъ новыхъ несчастій и бѣдствій. Шествіе жертвъ торжественно и эффектно; среди ихъ рядовъ медленно двигаются слоны, везущіе на себѣ вельможъ и воиновъ; у храма ихъ встрѣчаютъ шпалеры жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ, вслѣдъ-же имъ гремитъ шумная, сладостная музыка и заглушаетъ крики и стоны ихъ несчастныхъ товарищѣй, вонедшихъ уже во внутренность истукана и сброшенныхъ съ громадной высоты во всепожирающее пламя. Однѣ жертвы уже погибли; но на смѣну имъ идутъ сотни другихъ, и не предвидится конца этой ужасной, отвратительной процессіи.

„Весна“ Перова.

(Рис. на стр. 273).

Здѣсь мы помѣщаемъ копію съ картины Перова, которая на выставкѣ представляетъ какъ бы исключеніе и не подходитъ къ тому характеру строгой и даже рѣзкой реальности, какою запечатлены всѣ другія произведенія художника. Аллегорическое граціозное изображеніе „Весны“ показываетъ совсѣмъ новую неожиданную сторону въ характерѣ таланта Перова, показываетъ, что онъ могъ быть мастеромъ и въ иномъ родѣ живописи. Воздушная, прелестная фигура, легкость и прозрачность очертаній, чистота и глубина неба,—все это невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе.

Материнская любовь.

(Рис. на стр. 276).

Между душевными проявленіями животныхъ, материнская любовь выражается сильнѣе всего. Извѣстно, съ какой отчаянной отвагой львицы и тигрицы защищаютъ своихъ дѣтенышъ; любовь обезьянъ къ своему потомству вошла даже въ поговорку; домашнія животныя, отличающіяся добродушіемъ, и тѣ, подъ вліяніемъ материнской любви, преобразовываются и дѣ-

лаются сердитыми даже въ отношении своихъ хозяевъ. Чугуныя птички нашихъ лѣсовъ, при нападеніи на гнѣзда даже болѣе сильного непріятеля, начинаютъ съ нимъ борьбу и защищаютъ своихъ птенцовъ. Подобная сцена представлена на рисункѣ. Здѣсь также куронатка начала неравную борьбу съ сильной собакой, которая, благодаря только дресировкѣ, не хватаетъ зубами мать, такъ энергически защищающую своихъ малютокъ. Еще минута и дробь охотника положить ее на мѣстѣ. Огъ выстрѣла нѣтъ спасенія, оружіе не знаетъ пощады и тутъ защита безсильна.

,Полли“ моя жена и „Полли“ мой корабль.

(Рис. на стр. 277).

Эта картина Симонса представляетъ отрадную, милую сцену изъ жизни бравыхъ мориковъ. Молодой капитанъ, для которого дорога въ жизни его милая жена, онъ ею такъ гордится! и его любимый корабль—его пловучая вторая родина, съ которой онъ скжился и сроднился. Тутъ его храбрые, вѣрные товарищи, здѣсь онъ перенесъ и бури и приключения и испыталъ отрадныя минуты, и изображеніе этого корабля онъ показываетъ своимъ товарищамъ. И какъ это хорошо сошлось! И его милую, любимую жену зовутъ „Полли“ и его любимый корабль зовутъ „Полли.“ Товарищи внимательно, въ раздумыи смотрятъ

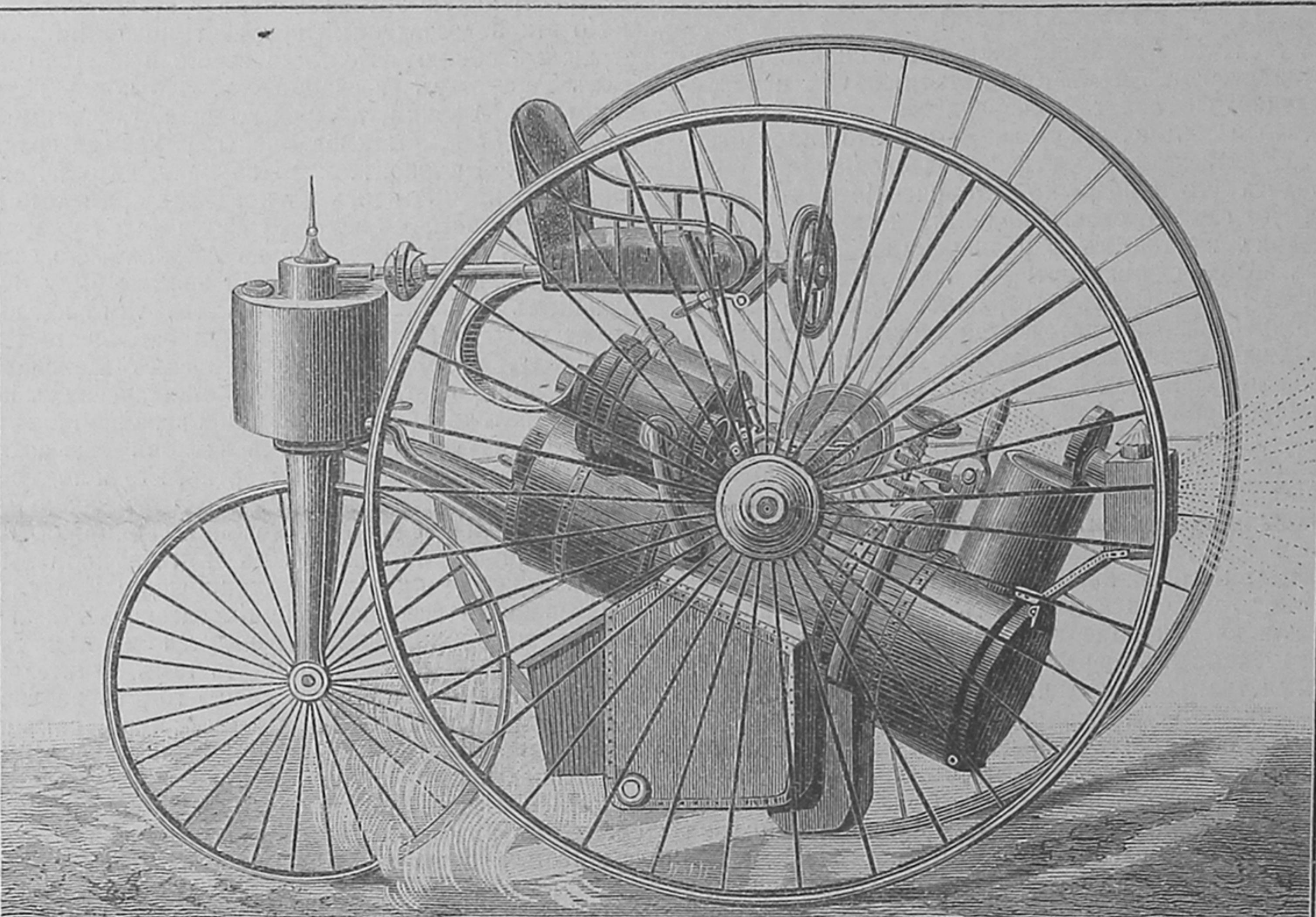
лой и образуетъ тягу, даже при закрытой заслонкѣ. Велосипедъ этотъ устроенъ такимъ образомъ, чтобы управление имъ было самое легкое, тяжесть машины и котла самая незначительная, а для приданія ему болѣе устойчивости, центръ тяжести умѣщень подъ движущей осью.

Бѣдущій, сидя на своемъ мѣстѣ, при помощи рычага для направленія хода, умѣщенаго съ правой его стороны, можетъ измѣнить также и самую скорость. Для этого имѣется особая защѣпка, которую по своему усмотрѣнію онъ можетъ вкладывать между поршнями и движущей осью. На подъемахъ онъ фдеть тихо, пользуясь всѣми силами своей машины для увеличенія силы движенія, между тѣмъ какъ на склонахъ онъ движется быстрѣе, не умѣряя обыкновенного дѣйствія машины. Съ лѣвой стороны сидѣнья видѣнъ кругъ, служащий для поворачивания экипажа. При помощи колеса онъ дѣйствуетъ на вертикальный задній стержень, проходящій черезъ резервуаръ съ масломъ и кончающійся вилами, защѣпляющими маленькое колесо, что позволяетъ поворачивать его по усмотрѣнію. Наконецъ впереди бѣдущаго помѣщенъ свистокъ котла и манометръ; ночью на велосипедѣ зажигается фонарь, освѣщающій путь.

Котелъ—стальной, круглой формы, въ деревянномъ чехлѣ; онъ помѣщенъ на двухъ подушкахъ у главной оси и поддерживается два движущихъ цилиндра. Длина котла 1 арш. и діаметръ 5 вершковъ. Внутреннія мѣдныя трубы $\frac{1}{4}$ вершка въ діаметрѣ. Резервуаръ для воды, умѣщенный сверху котла, содержитъ $2\frac{1}{4}$ ведра; онъ спабженъ инжекторомъ, находящимся по лѣвой руку сѣдока. Колеса покрыты каучуковыми шинами, что придаетъ эластичность экипажу.

Движающія колеса 1 арш. 12 верш. въ діаметрѣ и меньшее заднее колесо 1 аршинъ.

Обладая машиной въ одну лошадиную силу, экипажъ этотъ можетъ достичь скорости 18 верстъ въ часъ, имѣя въ резервуарахъ достаточное количество воды и петроля для четырехчасового хода.

Трехколесный американскій паровой велосипедъ съ керосиновой топкой. Съ рис. Позе, грав. Рашевскій.

на знакомыя очертанія своего корабля. Не проносятся ли въ ихъ воображеніи тѣ грозныя бури, которыя они испытали, тѣ веселыя стоянки у разныхъ гаваней, тѣ разнообразныя страны, которыя они перевидали, и со вздохомъ завидуютъ бездомники счастью своего молодаго капитана, у которого такая красавица-жена...

Паровой велосипедъ.

(Рис. на этой стр.).

Велосипедъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ, изобрѣтенъ Дависомъ въ Нью-Йоркѣ. Маленькая паровая машина служить двигателемъ экипажа. Но что всего замѣчательнѣе это нагреваніе котла керосиномъ. Это очень легкій горючій матеріалъ и въ такомъ примѣненіи имѣть еще то преимущество, что теплотворныя свойства его гораздо выше, нежели каменнаго угля, и регулированіе огня производится очень легко, дѣйствуя краномъ отъ резервуара съ петролемъ. Масло, заключающееся въ резервуарѣ, умѣщенному надъ маленькимъ колесомъ, направляется внутрь котла въ камеру изъ огнеупорной глины, служащей очагомъ, и тамъ горитъ смѣшиваясь со струею воздуха, входящаго въ очагъ透过 паровой клапанъ, какъ вообще въ локомотивахъ. Газы проходятъ по трубкамъ котла и безъ шума и не беспокоя зрѣнія выходятъ назадъ экипажа. При отѣздѣ открываютъ переднюю заслонку и зажигаютъ огонь, вкладывая нѣсколько горячихъ углей въ очагъ; паръ вырывается съ си-

зервуаръ для воды, умѣщенный сверху котла, содержитъ $2\frac{1}{4}$ ведра; онъ спабженъ инжекторомъ, находящимся по лѣвой руку сѣдока. Колеса покрыты каучуковыми шинами, что придаетъ эластичность экипажу.

Движающія колеса 1 арш. 12 верш. въ діаметрѣ и меньшее заднее колесо 1 аршинъ.

Обладая машиной въ одну лошадиную силу, экипажъ этотъ можетъ достичь скорости 18 верстъ въ часъ, имѣя въ резервуарахъ достаточное количество воды и петроля для четырехчасового хода.

Торпеда Уайтхеда.

(Рис. на стр. 281).

Объ этомъ новомъ оружіи, долженствующемъ вызвать большой переворотъ въ морскомъ дѣлѣ, хотя и было говорено много, но многое также было невѣрно. Поэтому не безинтересно будетъ поближе и точнѣе познакомиться съ этимъ новымъ разрушительнымъ снарядомъ, находящимся теперь въ рукахъ всѣхъ большихъ морскихъ силъ, но который до этихъ поръ только два раза былъ употребленъ въ русско-турецкой войнѣ, а именно подъ Батумомъ 27 декабря 1877 и 29 января 1878 года. Первый опытъ съ торпедой Уайтхеда не удался, по случаю необыкновенно темной ночи. Въ другой-же разъ двѣ торпедыпущенные съ баркасовъ „Чесмы“ и „Синопа“, въ ночь съ 29 на 30 января 1878 года, попали въ турецкую канонерку

и совершенно ее разрушили. Съ тѣхъ порь всѣ морскія силы начали вводить у себя это оружіе, которое съ 1878 г. геніальный его изобрѣтатель значительно усовершенствовалъ. До сихъ порь торпеды изготавливаются исключительно Робертомъ Уайтхедомъ на его фабрикѣ въ Фіумѣ.

Название „торпеда-рыба“, данное этому подводному оружію есть плеоназмъ, такъ какъ самое слово торпеда обозначаетъ рыбу Raia torpedo, т. е. гнусъ. Также не-правильно название это присвоено неподвижнымъ подводнымъ минамъ, отличающимся отъ торпедъ Уайтхеда тѣмъ, что онѣ на подобіе лисьихъ западней лежатъ подъ водою и разрываются только тогда, когда на нихъ натыкается жертва, въ то время какъ торпеда-рыба Уайтхеда доведена до такого замѣчательного совершенства, что съ помощью собственной силы можетъ двигаться очень быстро по прямому направлению на любой глубинѣ подъ водою.

Обыкновенно торпеда движется со скоростью 20 — 25 морскихъ миль въ часъ, на глубинѣ отъ 10 до 12 фут., т. е. тамъ, где ни въ-терь, ни даже теченіе не имѣетъ почти никакого вліянія. Наруж-нымъ видомъ торпеда похожа на рыбу, а движущая сила ея до 70 атмосферъ сжатаго воздуха. Устройство этого страшнаго ору-жія не составляеть болѣе тайны.

Длина желѣзной гладко полированной торпеды бываетъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 7 метровъ,— большихъ размѣровъ торпеды до сихъ порь не изготавливались—сила взрыва ихъ одинакова, но болѣе круп-ные берутся для болѣе длиннаго пути, которое она должна проплыть. Въ передней части съ находится взрывчатая камера, наполненная нитроглицериномъ, пироксилиномъ, или динами-томъ, вспыхивающимъ при ударѣ объ особое приспособленіе,

Робертъ Уайтхедъ.

иѣсколько минутъ погрузить величайшій панцѣрный корабль; ни двойные стѣнки, никакія приспособленія не могутъ его спасти отъ погибели.

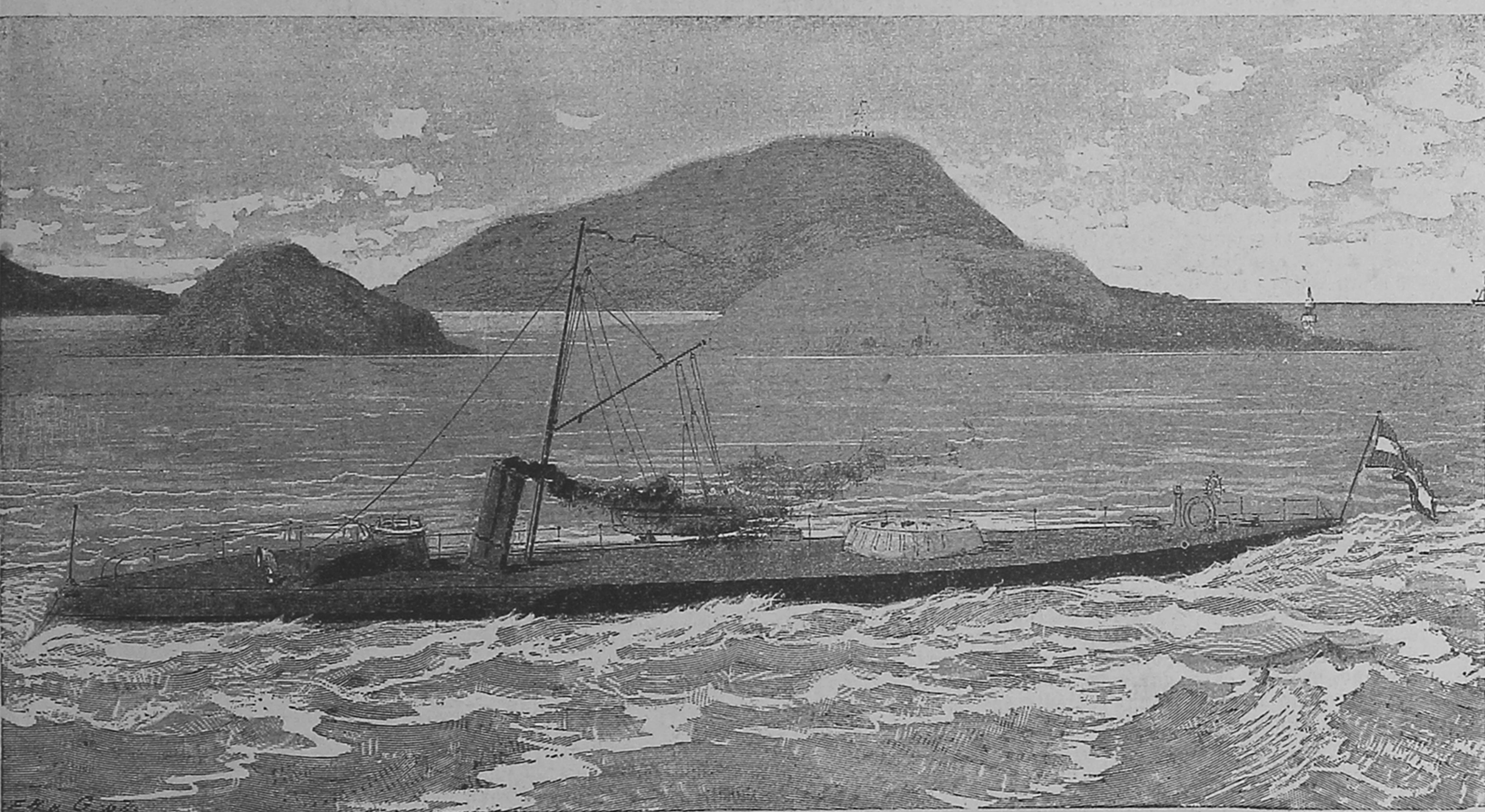
Въ отдѣлѣніи d находится по-тайная камера, где собственно лежитъ аппаратъ, принуждающій торпеду держаться на одной и той-же глубинѣ. Слѣдующее отдѣлѣніе съ содержитъ воздушный резервуаръ, который наполняется 70 атмосферами сжатаго воздуха, который можетъ быть замкнутъ тамъ долгое время не теряя своей силы. Наконецъ въ послѣднемъ отдѣлѣніи f помѣщается движущая машина съ двойнымъ винтомъ и также новоизобрѣтеннымъ гори-зонтальнымъ рулемъ a. Правиль-ность и точность работы такова, что она напоминаетъ работу хро-нометра.

Дистанція, которую торпеда пробѣгаєтъ съ одинаковою скро-стю, бываетъ отъ 500 до 1,800 метровъ. Путь ея подъ водою обозначается маленькими пузырька-ми воздуха, вырывающагося изъ резервуара, но эти пузырьки по-казываются тогда, когда торпеда уже миновала это мѣсто.

Торпеда цукается или съ же-стяной трубы или отъ руки. До-стигая воды она погружается на опредѣленную заранѣе глубину и

продолжаетъ путь, пока не достигнетъ цѣли.

Очень остроумное приспособленіе придумано для того если торпеда минуетъ свою цѣль и не взорвѣтъ, то чтобы она по-гружалась снова въ воду и такимъ образомъ не попала въ руки непріятеля. Во время опытовъ, когда ее не заряжаютъ взрывчатымъ веществомъ, она, пройдя свой путь, поднимается на поверхность и вылавливается обратно. Отъ устройства очень чувствительного руля зависитъ направлѣніе торпеды, но въ слу-чаѣ надобности она можетъ описать также дугу или кругъ.

Торпедная лодка Уайтхеда. Рисов. Кирхнеръ, грав. Ангереръ.

устроенное въ остріѣ b. Взрывъ безусловно долженъ произойти при встрѣчѣ твердаго тѣла. Какъ показали опыты, пятнадцать кило (1 к.= $2\frac{1}{2}$ ф.) взрывчатаго вещества достаточно, чтобы въ

Въ послѣднее время построены небольшіе пароходы для вы-киданія торпедъ. Пароходы эти движутся съ недостигаемою еще до сихъ порь скоростью 20 и 22 морскихъ миль въ часъ

и они такъ узки и низки (60 футовъ длины, $7\frac{1}{2}$ ф. ширины и 3 ф. надъ поверхностью воды), что представляютъ очень не-вѣрную цѣль для непріятельского огня. Командиръ подобного судна, изъ находящейся въ передней части его панцырной башни, управляетъ ходомъ судна и особымъ приспособленіемъ собственноручно пускаетъ торпеду, послѣ чего со всѣхъ силь подается назадъ, чтобы уйти отъ непріятельского огня.

Стоимость одной торпеды составляетъ около 4,000 флориновъ; но за то одна торпеда приносить миллионы убытковъ и если вспомнить, что каждый выстрѣлъ „Инфлексиблъ“, во время бомбардировки Александрии, стоилъ по 250 фл., то сравнительно съ колоссальнымъ вредомъ наносимымъ торпедой, стоимость ея незначительна.

Робертъ Уайтхедъ, изобрѣтатель торпеды, родился въ январѣ 1823 года въ Бостонѣ. Уже въ раннихъ лѣтахъ онъ особенно интересовался механикой и наклонность эта еще болѣе усилилась послѣ помѣщенія его, 16 ти-лѣтняго мальчика, въ большую машинную фабрику въ Манчестерѣ, гдѣ въ свободное отъ

Вредъ наносимый воробьями.

Еще лѣть 50 тому назадъ въ нѣкоторыхъ Германскихъ провинціяхъ существовалъ законъ, который былъ потомъ отмѣненъ, обязывавшій подданныхъ представлять мѣстному начальству въ определенные сроки извѣстное количество воробьевъ съ каждого Morgen'a земли, т. е. съ пространства немногого менѣе чѣмъ наша десятина. Вслѣдствіе такого распоряженія многіе сельскіе жители постоянно держали на готовѣ ружье, заряженное мелкою дробью, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность при всякомъ удобномъ случаѣ уничтожать воробьевъ, а потому количество ихъ въ то время значительно убавилось. Теперь же, благодаря тому, что за воробьями признаютъ какую-то пользу, они на столько размножились, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительно вредятъ посѣвамъ. Такъ, напр., описываютъ, что въ Ганноверѣ, жители одного селенія близь Шупленбурга, вслѣдствіе жадности этихъ птицъ къ житу, принуждены были будто бы совсѣмъ оставить хлѣбопашество и заняться другими промыслами.

Одинъ изъ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ своихъ „Очеркахъ природы“, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ воробья: „Воробей—это пролетарій и вмѣстѣ съ тѣмъ ярый коммунистъ царства пернатыхъ. Онъ проворень, неутомимъ, лукавъ, до крайности дерзокъ, но настолько остороженъ, что рѣдко попадается человѣку въ руки; для него не существуетъ ничего святаго и его нахальству положительно нѣть предѣла. Онъ вездѣ съумѣеть пробраться и всегда прежде людей успѣвать испробовать всякую первинку. Такъ, напр., никто раньше его не лакомится только что созревшими вишнями и виноградомъ; хуже всего то, что онъ портить хлѣбныя растенія и овощи еще въ то время, когда онѣ едва начинаютъ наливаться сокомъ. Жадность его такъ велика, что онъ часто перегрызаетъ горло молодымъ голубямъ, лишь бы только достать оттуда скопившіяся зерна. Онъ совершенно безстрашенъ и смѣло пробирается вслѣдъ за человѣкомъ въ риги, кладовыя и амбары, чтобы и тамъ поживиться всѣмъ, что плохо лежитъ. Даже внѣшній видъ воробья носить на себѣ отпечатокъ его вульгарности и дурныхъ инстинктовъ; во время ходьбы онъ, или подпрыгиваетъ самымъ неловкимъ образомъ, или, напротивъ, едва передвигаетъ ноги, такъ что все его маленькое тулowiще какъ бы тащится по землѣ. Онъ летаетъ быстро, но въ высшей степени неграціозно, а его чириканіе, неумолкающее цѣлый день въ ясную, теплую погоду, состоить изъ рѣзкихъ, безсвязныхъ звуковъ, словомъ лишено всякой мелодичности.“

Отсюда ясно, что распространившееся съ нѣкоторыхъ поръ убѣжденіе, будто воробей уничтожаетъ гусеницъ, не имѣть никакого основанія; напротивъ многими естествоиспытателями доказано, что онъ самъ питается и кормить своихъ дѣтенышей исключительно лишь зернами растеній; вообще, про воробья можно сказать, что онъ между птицами—тоже, что крысы и мыши между четвероногими животными.

Въ природѣ все распределено такъ умно и расчетливо, что каждой породѣ животныхъ, кромѣ всеядныхъ, предназначены особый родъ пищи, сообразно которой устроены у нихъ зубы и желудокъ. Такъ, напр., корова никогда не есть мяса, а тигръ, напротивъ, ни за что не станетъ есть сѣна. Благодаря такимъ законамъ природы, извѣстный естествоиспытатель Кюве могъ, напр., по одному найденному збу подробно опредѣлить, во-первыхъ, какому допотопному животному этотъ збъ принадлежитъ и, во-вторыхъ, чѣмъ это животное питалось при жизни.

занятій время онъ изучалъ теорію въ Mechanic Institution. До 1847 года онъ работалъ въ Марсели на фабрикѣ Тэйлора, а въ 1848 года поступилъ на службу австрійскаго Ллойда въ Грѣстѣ. Послѣ двухъ лѣтъ онъ принялъ на себя завѣдываніе машинной фабрикой Струдгофа, гдѣ онъ оставался до 1857 года. Въ 1858 г. онъ устроилъ фабрику въ Фіумѣ, которой управлялъ до того времени, пока она не перешла въ его собственность какъ фабрика торпедъ. Отставной австрійскій морякъ Люпинъ представилъ ему проектъ маленькой лодки, которая бы дѣйствовала на непріятельской корабль какъ брандеръ. Но опытный во всѣхъ отрасляхъ техники и механики Уайтхедъ нашелъ много погрешностей въ этомъ проектѣ, и отклонилъ его, но съ тѣхъ поръ задался мыслью изобрѣсть подводную лодку съ самостоятельнымъ движениемъ на извѣстной глубинѣ. Послѣ трехлѣтняго неутомимаго изученія, послѣ многократныхъ опытовъ, торпеда была найдена и тогдашнему морскому инспектору Леопольду принадлежитъ заслуга основанія торпедной эры. Австрійскій флотъ былъ первымъ сознавшимъ достоинство этого оружія, онъ закупилъ ихъ и настаивалъ на улучшении. Какъ артиллерія составляетъ отдѣльный корпусъ, такъ теперь въ каждомъ флотѣ есть торпедное отдѣленіе, офицеры и экипажъ котораго учатся владѣть этимъ новымъ оружіемъ.

Въ техническомъ заведеніи фабрики въ Фіумѣ занимаются сотни рабочихъ.

Уайтхедъ и его семейство принадлежать къ самымъ уважаемымъ лицамъ въ городѣ. Его благотворительность, справедливость, его заботы о рабочихъ дѣлаютъ его образцовымъ хозяиномъ.

Вредъ наносимый воробьями.

Къ такому же результату можно прийти если изслѣдовывать устройство клюва и желудка у воробья. Извѣстно, что у всѣхъ насѣкомоядныхъ птицъ клювъ имѣеть шилообразную форму. Къ этому отдѣлу принадлежать между прочимъ: дятль, кукушка, мухоловка, трясогузка, соловей, красношапка, горихвостка, крапивникъ и др. У зерноядныхъ же породъ, напротивъ, клювъ имѣеть коническую форму, причемъ замѣчено, что чѣмъ онъ толще и тверже, тѣмъ исключительнѣе птица кормится зернами. Сюда причисляются: синица, зябликъ, жаворонокъ, подорожникъ, чижъ, щегленокъ, коноплянка, канарейка и наконецъ воробей. Кроме того у насѣкомоядныхъ есть еще одно рѣзкое отличие отъ зерноядныхъ, а именно: у первыхъ желудочная стѣнка тонки и кожисты, у вторыхъ же онѣ толсты и очень мускулисты. Оба вышенназванныя отличительные свойства зерноядныхъ особенно развиты у воробья.

Слѣдующій рядъ опытовъ окончательно можетъ убѣдить на сколько воробы дѣйствительно вредны.

Весною 1870-го года, когда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германии тусеницы и жуки истребили почти всю листву на фруктовыхъ деревьяхъ, одному ученому пришла въ голову мысль убѣдиться дѣйствительно ли воробы уничтожаютъ этихъ насѣкомыхъ. Съ этой цѣлью были разрѣзаны желудки у нѣсколькоихъ старыхъ воробьевъ, и что же оказалось? Вмѣсто ожидаемыхъ гусеницъ—найдена только масса зеренъ ржи и овса. Нѣсколько дней спустя, подобный же опытъ, съ пятью воробьями, былъ повторенъ однимъ преподавателемъ Политехническаго училища въ Даамѣ. Вынутая желудочная масса была разсмотрѣна въ микроскопъ, увеличивающій въ 450 разъ, и затѣмъ пропитана пикриновой кислотой, которая имѣеть свойство—окрашивать въ желтый цветъ животныя вещества и въ тоже время не оказываетъ никакого дѣйствія на вещества растительныя. При этомъ были найдены: крупные песчинки, кусочки яичной скорлупы, ячменные зерна, кусочки крахмала овальной формы, цвѣточная пыль, сѣмена и, наконецъ, часть листа. Присутствіе въ желудочной массѣ листа еще болѣе убѣдило изслѣдователей въ томъ, что воробы и не думаютъ искать гусеницъ, а просто обгладываютъ молодые листья, когда въ концѣ марта и началѣ апрѣля цѣлыми стаями покрываютъ фруктовыя деревья.

Еще одинъ опытъ, произведеній подъ руководствомъ специалиста надъ 16-ю слѣпыми и неоперившимися птичками, въ возрастѣ отъ 3 до 8 дней, далъ хотя иной, но тоже не особенно утѣшительный результатъ. Въ ихъ желудкахъ, разсмотрѣнныхъ съ помощью двойной лузы, были найдены, кроме песчинокъ, яичной скорлупы, гороха и другихъ зеренъ, еще слѣдующіе предметы:

Во-первыхъ, частицы жужжелицы, хищника (такъ наз. *Cagarbus aureatus*) десяти миллиметровъ длины, сверху блестящаго зеленаго цвѣта съ тремя ярко-красными, продольными полосами, а снизу окрашенаго въ черный цвѣтъ. На сколько известно, эта порода жуковъ не только не вредна, но напротивъ того приносить громадную пользу въ сельскомъ хозяйствѣ и садоводствѣ тѣмъ, что погаиваетъ, вмѣстѣ съ ихъ личинками, гусеницы, дождевыхъ червей, майскихъ жуковъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, при помощи своихъ крѣпкихъ и сильныхъ клещей.

Во-вторыхъ, частицы и личинки золотаго и розового жуковъ (*Cetonia aureata*). Это насѣкомое—сверху зеленаго, снизу мѣд-

имущественно на розовыхъ ку-
покровительницу Баваріи. Верхъ породъ жуковъ тѣмъ, что его
изъ чугуна герольдомъ въ древнѣяется въ видѣ шипа, который
менемъ въ рукѣ. На лѣвомъ ^{кубленіе} груднаго ящика и такимъ
чудный этотъ королевскій замѣтность съ шипѣніемъ подыматься на
колоннѣ и статуй и больше ^{верху}. Личинки его живутъ въ дубовой
цовымъ постройкамъ. Внѣзъ, въ муравейникахъ, но преимуще-
ствен. превосходитъ самое съ деревьяхъ и растеніяхъ. Эта порода со-
вершенно безвредна и даже приносить некоторую пользу,
истребляя иногда другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Въ-третьихъ, остатки долгоносика и навознаго жука и, наконецъ, въ-четвертыхъ, тамъ оказались личинки мухъ и куколки, такъ называемой породы, *Musea-domestica*, которая, находясь въ болотахъ и лужахъ, можетъ считаться единственнымъ вреднымъ насекомымъ, истребляемымъ воробьями и то въ очень ограниченномъ количествѣ.

Въ іюлѣ 1872 года было изслѣдовано еще 12 маленькихъ воробьевъ, вынутыхъ прямо изъ гнѣздъ, которыя находились недалеко отъ сада и конюшни, въ ихъ желудкахъ нашлись лишь только зеленые горошинки и лошадиный навозъ съ неперевареннымъ овсомъ, но ни малѣйшаго признака гусеницъ. Точно такие-же результаты получились послѣ опытовъ, произведенныхъ членами ютербокскаго кружка сельскихъ хозяевъ, т. е. было доказано, что воробей не трогаетъ насѣкомыхъ, за исключениемъ вполнѣ безвреднаго, такъ называемаго, іюльскаго жука, но за то уничтожаетъ громадное количество разныхъ зеренъ.

Кромъ того по другимъ наблюденіямъ оказалось, что каждый воробей ежегодно съѣдаетъ 8 нѣмецкихъ мѣръ ржи. Слѣдовательно, принявъ во вниманіе вычисленіе нѣкоторыхъ естествоиспытателей, что въ деревняхъ на каждого жителя приходится по одному воробью, а по мнѣнію опытныхъ сельскихъ хозяевъ даже вдвое болѣе, то окажется, что въ Пруссіи, гдѣ въ настоящее время 24 миллиона жителей, изъ которыхъ 70% составляютъ сельское населеніе, число воробьевъ достигаетъ почтенной цифры 22-хъ миллионовъ. Изъ приходится 17 мил. на деревни, 4—на мѣстечки и одинъ миллионъ на большие города. Такимъ образомъ выходитъ, что вся эта масса воробьевъ ежегодно истребляетъ 11 мил. шеффелей ржи въ Пруссіи, 16—въ Австріи, $2\frac{1}{3}$ мил. въ Баваріи и $1\frac{1}{3}$ мил.—въ Саксоніи, не считая еще множества помятыхъ колосьевъ и разбросанныхъ зеренъ, которыя въ свою очередь служатъ кормомъ полевымъ мышамъ. Значить, изъ 30-ти зеренъ, заключающихся среднимъ числомъ въ каждомъ колосѣ, только 8 выпадаютъ на долю человѣка; всѣ-же остальные достаются воробьямъ. Поэтому понятно, какъ говорить одинъ естествоиспытатель, что всякий, кто беретъ на себя трудъ истреблять воробьевъ, сберегаетъ нѣкоторое количество хлѣба и такимъ образомъ способствуетъ благосостоянію народа.

Въ Новой Голландіи, куда тоже завезены воробы, сельскіе хозяева уже успѣли убѣдиться въ ихъ вредѣ и, какъ говорятъ, обратились къ правительству съ просьбою принять мѣры къ

Политическое обозрение.

Дунайская конференція.—Болгарія.—Турція.—Ливанъ.—Франція.—Анархисты.—Англія.—Взрывъ зданія парламента.—Італія.—Ливорнскій случай.—Єгипетъ.

Пока еще нѣтъ офиціальныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ мы могли бы ясно видѣть, чѣмъ и какъ отразились занятія дунайской конференціи для русскихъ интересовъ на Дунаѣ, поэтому мы обращаемся къ обычному источнику частныхъ извѣстій. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что контроль международной комисіи не распространяется ча Килійскаго гирла, въ той его части, въ которой оба берега принадлежать тому и другому государству; государство это—Россія, а часть Килійскаго гирла—Очаковскій рукавъ, проходящій по возвращенной намъ части Бессарабіи; слѣдовательно, мы добились таки того, что у себя дома хозяйствуемъ сами. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ осталой части Килійскаго гирла, главный, одинъ берегъ которой принадлежитъ Россіи, а другой Румыніи, всякія правила судоходства, исходящія съ международной комисіи, приводятся въ выполненіе подъ наблюденіемъ русскаго и румынского delegatovъ и—что пріятно слышать—безъ участія и вмѣшательства делегатовъ другихъ державъ. Есть, однако, одно правило, наводящіе на нѣкоторое размышеніе, а именно: Россія и Румынія, въ своихъ частяхъ Килійскаго рукава, не могутъ иначе производить какія либо работы, имѣющія цѣлью или глубленіе фарватера, или возведеніе какихъ либо сооруженій, не доставивъ въ комисію планы этихъ работъ; хотя условіе это объясняется необходимостью доказывать комисіи, что новые работы не повредятъ судоходности на другихъ рукахъ Дуная, но кто же помѣшаетъ этой комисіи всегда считать русскія и иногда румынскія работы вредными для судоходности другихъ рукавовъ, а въ особенности для видовъ, противоположныхъ видамъ и цѣлямъ Россіи. Хорошо если мы съумѣмъ не бояться придиrokъ комисіи и сразу поставимъ съя въ положеніе относительно независимое. Австрія съумѣла же это сдѣлать для себя: конференція предоставила русло Дуная

истребленію этихъ птицъ, такъ какъ онѣ ужасно портятъ богатые виноградники въ этой мѣстности. Одни только американцы до сихъ поръ продолжаютъ покровительствовать воробьямъ. Вотъ что пишетъ объ нихъ извѣстный американскій ученый Georg Lavrancе: „съ тѣхъ поръ какъ воробы привезены къ намъ изъ Европы, наши плантаціи положительно перестали страдать отъ нападенія червей и гусеницъ; если-же окажется, что воробы кромѣ того уничтожаютъ еще такъ называемаго долгоносика (*Circulio*), то очевидно, что большей услуги нельзя и ожидать отъ такой маленькой птички“. Но весьма легко можетъ быть, что и американцы со временемъ перемѣнятъ свой взглядъ относительно той, чисто фиктивной, пользы приносимой воробьями и придутъ, такимъ образомъ, совершенно къ обратному заключенію.

Существуетъ преданіе, что Фридрихъ Великій терпѣть не могъ воробьевъ за то, что они поѣдали его любимыя вишни. Въ угоду ему народъ принялъ усердно уничтожать этихъ птичекъ, но тогда оказалось, что безъ нихъ вишневыя деревья страдаютъ еще больше отъ гусеницъ, которыхъ истребляли не только ягоды, но также листья и почки. Вслѣдствіе этого, отъ имени короля, было издано повелѣніе не только беречь оставшихся воробьевъ, но даже привезти ихъ изъ дальнихъ провинцій въ Берлинъ. За достовѣрность такого преданія конечно нельзя поручиться, тѣмъ болѣе, что оно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ закономъ „объ уничтоженіи воробьевъ“, который, какъ извѣстно, существовалъ въ то время въ Пруссіи. Да, наконецъ, кромѣ того нужно не мало времени, чтобы уничтожить хотя-бы даже, напр., одну сотую долю всѣхъ воробьевъ, потому что они водятся преимущественно около жилья, гдѣ, во избѣженіе несчастныхъ случаевъ, нужна очень большая осторожность въ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; а съ другой стороны, воробей такъ хитеръ и остороженъ, что очень рѣдко попадается въ разставленныя для него сѣти и ловушки; онъ постоянно наблюдаетъ за каждымъ подозрительнымъ движениемъ человѣка, отъ его чуткаго слуха не ускользаетъ ни малѣйшій шорохъ, такъ что онъ всегда держится на сторожѣ и, при первой-же опасности, моментально исчезаетъ. Къ человѣку воробей относится вообще крайне недовѣрчиво и отклоняетъ всѣ попытки къ прирученію, чуя вездѣ обманъ и недобрый замыселъ; поэтому стоитъ громаднаго труда, напр., пріучить воробья брать кормъ прямо изъ рукъ.

Хищнические инстинкты настолько развиты въ воробьѣ, что они проявляются даже въ его отношеніяхъ къ другимъ птицамъ. Такъ, напр., онъ безжалостно разгрызаетъ и выпиваетъ массу яицъ, уничтожаетъ цѣлые семьи, чтобы воспользоваться готовымъ, чужимъ гнѣздомъ, не щадя при этомъ даже неонедавно вылупившихся птенчиковъ.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе все вышесказанное о жизни, нравахъ и привычкахъ воробьевъ, — ьзя не убѣдиться въ томъ вредѣ, который они могутъ приносить, а следовательно и самое существованіе ихъ является совершенно безполезнымъ.

у желѣзныхъ воротъ въ полное распоряженіе Австріи, не возложивъ на нее никакихъ опредѣленныхъ обязанностей. Румынія сильно воспротивилась такому постановленію конференціи; Англія старается склонить ее къ принятію вновь выработанныхъ постановленій. — Въ иностранныхъ газетахъ находимъ извѣстіе о томъ, что въ Римѣ вскорѣ соберется консисторія, во время которой послѣдуетъ назначеніе двѣнадцати католическихъ епископовъ для Россіи.— Изъ уступленной нами Китаю части Кульджы, выселяется къ намъ большинство турчанъ, число которыхъ въ Или теперь не превышаетъ 2300 семействъ; говорять же, что если помочь имъ выбраться оттуда, то подъ властію китайцевъ останется не болѣе 200 семействъ.

Въ болгарскомъ министерствѣ еще одинъ русскій министръ, такъ какъ въ кабинетѣ произошла частная перемѣна; изъ его состава вышли министры финансовъ, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, почему и сформировалось новое министерство — въ слѣдующемъ видѣ: Генераль Соболевъ, по прежнему — министръ президентъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и, кромѣ того, нынѣ управляющимъ министерствомъ финансовъ, военнымъ министромъ генераль Каульбарсъ, министромъ общественныхъ работъ, земледѣлія и торговли — князь Хилковъ, затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій назначенъ Киріакъ Цанковъ, юстиціи — Теохаровъ и народнаго просвѣщенія — Агуръ.

Въ Турціи новый „вопросъ“—ливанскій, имѣющій отношеніе къ Европѣ; въ 1861 году, послѣ извѣстныхъ сирійскихъ волненій, Ливанская провинція была поставлена въ особое положеніе, на основаніи котораго, между прочимъ, губернаторъ можетъ быть не иначе назначенъ, какъ по соглашенію съ великими державами и въ силу протокола, подписанного въ Ближней Портѣ; въ настоящее время истекаетъ срокъ полномочій нынѣшняго губернатора Ливана, Рустема паши (бывшій посланникъ Турціи при с.-петербургскомъ дворѣ) и Порта при-

гласила державы согласиться относительно назначения ему преемника; Турция и Англия желают вновь видеть Рустема пашу ливанским губернатором, на что согласны и Россия, и Германия, Австрия и Италия; Россия сочувствует Рустему по тому въ особенности,—что онъ всегда умѣлъ обеспечивать надлежащимъ образомъ интересы православныхъ общинъ; почему то Франція враждебна Рустему пашѣ.

Во Франціи ожидались большие беспорядки со стороны анархистовъ, однако республиканская власть, отложивъ на нѣкоторое время въ сторону республиканской принципъ неограниченной свободы мнѣній, безъ всякихъ колебаній, перехватали, гдѣ могли и гдѣ имъ попались подъ руку, главныхъ предводителей анархистовъ, добирались и до Луизы Мишель, но та, говорить, предпочла перебѣхать въ Швейцарію. Надо ожидать, что Англія перестанетъ подражать Швейцаріи и не будетъ болѣе доставлять спокойного убѣжища рѣцарямъ динамита; вотъ что сдѣлали вскормленные англійскимъ отечествомъ динамитчики: 3 марта, во время вечерняго засѣданія парламента, послышался звукъ страшного взрыва, который произошелъ въ части вестминстерского дворца занимаемой совѣтомъ мѣстного самоуправления; взрывъ этотъ произведенъ, по убѣждѣнію всѣхъ, феніями, употребившими въ дѣло динамитъ; какъ самъ Вестминстеръ, такъ равно и сосѣдніе дома получили громадныя поврежденія;

къ счастію никто не пострадалъ.

кабинетъ котораго сильно поподобно въ Mechanic Institution. До зданіи парламента; феніи, кромѣ того на фабрикѣ Тэйлора, а въ титъ и нѣкоторымъ учрежденіямъ трійскаго Ллойда въ Грэстѣ, противъ нихъ; такъ въ редакцію газетъ завѣдываніе машинной на окно небольшой ящикъ тоже съ дѣломъ 1857 года. Въ 1858 г. памятная упала съ карниза на мостовую управляемъ до того взрывъ; затѣмъ агенты, вѣроятно, феніанская союза избили леди Флоренсъ Дикси (въ ея помѣстіи около Виндзора) за то что она высказывалась противъ ирландской земельной лиги; впрочемъ, нападавшіе были вооружены кинжалами, но леди Дикси успѣла спастись.

Во время посѣщенія королемъ и королевой итальянскими ливорнскими корабельными верфей, къ экипажу ихъ величествъ приблизился выпущенный недавно изъ дома сумасшедшихъ человѣкъ, по профессіи носильщикъ и известный всему городу своимъ слабоуміемъ; онъ произнесъ нѣсколько безсвязныхъ словъ и тотчасъ же былъ удаленъ полиціей.

Въ Египтѣ англичане поправляютъ финансы страны новыми займами—такъ, они выпустили заемъ въ 5 миллионовъ, изъ которыхъ $3\frac{1}{2}$ миллиона на удовлетвореніе требованій заявившихъ объ убыткахъ и $1\frac{1}{2}$ миллиона—англичанамъ же военной контрибуції! Хорошо для Египтянъ!

СМѢСЬ.

Изслѣдованія морской глубины въ зоологическомъ отношеніи. „Солнечный свѣтъ проникаетъ съ большими трудомъ даже между самыми прозрачными слоями воды; на глубинѣ пѣсколькихъ сотъ метровъ долженъ царствовать совершенный мракъ. Какимъ образомъ движутся и ориентируются тамъ разнообразныя животныя? Одни изъ нихъ слѣны; они двигаются ощущую и распознаютъ окружающіе ихъ предметы лишь посредствомъ осязанія, обонянія или слуха; вслѣдствіе этого у нихъ извѣстные органы получаютъ чрезмѣрное развитіе; щупальцы многихъ ракообразныхъ, неимѣющихъ глазъ, достигаютъ чрезвычайной длины; они замѣняютъ имъ палку слѣпаго. Другія животныя одарены, напротивъ, громадными глазами съ яркимъ фосфорическимъ блескомъ. Этотъ фосфорический блескъ часто распространяется на всю поверхность ихъ тѣла и многие виды такихъ животныхъ, въ особенности морскія звѣзды и полипы, ярко свѣтятся во мракѣ. Однажды ночью была вытащена на берегъ свѣтъ, наполненная извѣстными зоофитами изъ семейства „ирисы“. Они распространяли вокругъ себя удивительный свѣтъ, достигавшій такой интенсивности, что при немъ можно было свободно читать. Обыкновенно полагаютъ, что цвѣтъ неразлученъ со свѣтомъ и что существа, никогда не видящія солнца, имѣютъ темную или блѣдную окраску. Но это справедливо не во всѣхъ случаяхъ, потому что въ самыхъ темныхъ пространствахъ океана обитаютъ животныя, окрашенныя въ яркія цвѣта: красный, розовый, пурпурный, фиолетовый и голубой. Большинство креветовъ, размножающихся на глубинѣ моря, окрашены въ яркій ало-красный цвѣтъ. Исполинскія голотурии имѣютъ видъ аметисовъ, а одна большая морская звѣзда далеко превосходитъ красотою и блескомъ виды, распространенные на нашихъ берегахъ; нельзя не изумиться изяществу формъ и яркому оранжевому ихъ отблеску. Она была открыта однимъ норвежскимъ естествоиспытателемъ-поэтомъ и названа имъ Брисингвой (Brisingua), именемъ которое обозначаетъ въ скандинавскихъ легендахъ одинъ изъ драгоценныхъ камней богини Фрейи; и действительно, эта морская звѣзда блеститъ на глубинѣ океана подобно прелестнѣшему драгоценному камню. Но если животныя размножаются въ самыхъ удаленныхъ уголкахъ океана, то нельзя сказать того-же про растенія; зеленые, красные и фиолетовые водоросли, встрѣчаемыя обыкновенно у морскихъ береговъ, не могутъ жить во мракѣ; они перестаютъ появляться на глубинѣ выше 250 метровъ. Откуда-же берутъ свою пищу животныя, обитающія въ морскихъ глубинахъ, такъ какъ они не умѣютъ вырабатывать ее изъ всѣхъ веществъ, на счетъ минералогическихъ элементовъ? Только одни растенія одарены способностью вырабатывать изъ газа воздуха и неодушевленныхъ тѣлъ органическую матерію, которая потомъ служить для питанія травоядныхъ животныхъ, а чрезъ посредство ихъ и плотоядныхъ. Пища должна приготовляться на поверхности, подъ влияниемъ солнечныхъ лучей, откуда она, подобно маннѣ, ниспадаетъ мало по малу въ морскія глубины, гдѣ не можетъ рости ни одно растеніе. Океанъ научилъ насъ уже многому, но онъ далеко еще не открылъ намъ всѣхъ своихъ тайнъ и чудесъ; мы приподняли лишь уголокъ скрывающей его отъ насъ завѣсы, но то, что мы видѣли, служить самою побудительной причиной къ дальнѣйшему изслѣдованію океана.

Права турецкаго султана на званіе калифа. Габріель Шармъ, въ новой своей книжѣ „L'avenir de la Turquie et le panislamisme“ („Будущность Турции и панисламизмъ“) останавливается, между прочимъ, на весьма спорномъ, хотя уже и решенномъ магометанскими законовѣдами, вопросѣ о томъ, действительно ли султанъ является калифомъ, или онъ не имѣетъ никакихъ правъ на это званіе и присвоилъ его самовольно. Въ Европѣ мнѣнія на этотъ счетъ раздѣляются; что же касается улемовъ ислама, то они все ноголовно рѣшили вопросъ отрицательно—на томъ основаніи, что званіе калифа по закону принадлежитъ потомку корейшкаго колѣна, изъ котораго вышелъ Магометъ. Чтобы быть калифомъ ис-

лама, необходимо прежде всего родиться арабомъ. Турокъ прибывшій изъ Средней Азіи и путемъ блестящихъ подвиговъ основавшій имперію, является только султаномъ, но не калифомъ. Между этими двумя званіями нѣть ничего общаго: отдельное существование калифата продолжалось не малое время и послѣ образованія Оттоманской имперіи. Ни Османъ, ни его преемники не считали себя калифами, вполнѣ довольствуясь почетною ролью охранителей калифата и защитниковъ могилы пророка. Впрочемъ, до настоящаго времени константинопольскіе монархи господствовали надъ Геменомъ и Геджаромъ, но въ качествѣ султановъ, а не калифовъ. Потомки оттоманской династіи не переставали смотрѣть на мѣхкаго шерифа, всегда избиравшагося изъ корейшитовъ, какъ на законнаго наследника калифовъ, и каждый изъ нихъ, вступая на престолъ, неизмѣнно обращался къ этому верховному лицу за признаніемъ его главою государства и за присвоеніемъ ему подобающаго титула („бей-а“). Если-бы они были действительными и единственными калифами, къ чему они стали-бы подвергать себя этой формальности, имѣющей видъ посвященія, даруемаго верховнымъ главою мусульманской религіи оттоманскимъ владыкамъ. Аль-Маверди, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О политическихъ учрежденіяхъ“ (Constitutiones politicae), такъ опредѣляетъ калифатъ:

„Калифъ учрежденъ для унаслѣдованія отъ пророка охраны и покровительства религіи и управления политическими дѣлами міра. Калифъ долженъ быть избранъ всенародно подачею голосовъ, за исключеніемъ изъ нея глухонѣмыхъ. Это и есть то, что на языкѣ ислама называется „бей-а“.

Такимъ образомъ, султанъ, вступающій на престолъ по праву наследства и не подвергающійся, вопреки требованіямъ мусульманскаго закона, никакому избранію, испрашивается, въ свою очередь, необходимый для него титулъ—съ единственою цѣлью приблизиться къ ученію пророка. Въ упомянутомъ выше сочиненіи Аль-Маверди указаны слѣдующія семь существенныхъ условій, съ которыми неразрывно связано получение званія калифа или наследника пророка:

„Калифъ долженъ быть справедливъ, мудръ, образованъ и храбръ; кроме того, онъ долженъ быть настолько здоровъ тѣломъ и духомъ, чтобы имѣть возможность хорошо управлять дѣлами государства; наконецъ, онъ долженъ происходить изъ корейшитовъ, такъ какъ самъ пророкъ, спрошенный объ этомъ, сказалъ: „избирайте вашего калифа изъ колѣна корейшкаго, а не изъ какого либо другаго“.

„И такъ, султанъ Абдуль-Гамидъ, даже при возможной наличности всѣхъ нравственныхъ качествъ, требуемыхъ законовѣдами ислама отъ калифа, не можетъ быть признанъ имъ уже по одному тому, что онъ не корейшитъ и не арабъ, какимъ былъ Магометъ. На такое признаніе не рѣшился ни одинъ свѣдущій въ религіи мусульманинъ, зная очень хорошо, что этимъ онъ прямо нарушить не возбуждающій никакихъ сомнѣній законъ“.

Новопостроенный замокъ Нейшванштейнъ. Новый замокъ, принадлежащий королю баварскому, любителю уединенія, готовъ уже осенью 1882 г. Онъ расположено на горѣ Тегельбергѣ и по своей колоссальности принадлежитъ къ величественнѣйшимъ зданіямъ континента. 10 ноября 1882 г. туда переведенъ небольшой придворный штатъ и король поселился въ новомъ замкѣ. Онъ возвышается на скалѣ противъ Гогеншвангау, и двумя подъемными мостами соединяется съ улицами. Замокъ выстроенъ въ Итальянскомъ стилѣ, съ богатыми декоративными украшениями, въ шесть этажей со множествомъ балконовъ и башенокъ. Посрединѣ громаднаго сдѣланнаго изъ гранита замка возвышается башня въ 50 саженъ съ двумя прекрасными верандами, съ которыхъ открывается превосходный видъ на окрестность. Крыша замка покрыта мѣдью. Громадный дворъ ведетъ къ величественному, необыкновенному красоты порталу. Фасадъ праваго крыла замка украшенъ двумя художественными фресками въ 15 аршинъ вышины. Одна изображаетъ Св. Георгія, побѣждающаго дракона, а другая Богородицу,

покровительницу Баварии. Верхъ праваго крыла украшень отлитымъ изъ чугуна герольдомъ въ древнемъ вооруженіи съ Баварскимъ знаменемъ въ рукѣ. На лѣвомъ крылѣ стоитъ баварскій Левъ. Весь чудный этотъ королевскій замокъ украшень множествомъ двойныхъ колоннъ и статуй и больше всего подходитъ къ Генуэзскимъ дворцовымъ постройкамъ. Внутреннее убранство своимъ великолѣпіемъ превосходитъ самое смѣлое воображеніе. Художественной работы фрески, представляющія сцены изъ Нibelungовъ и Парсифала Вагнера, а также и эпизоды войны 1870—71 г., касающіяся Баваріи, и эпизоды исторіи Баварскихъ королей 1806—1867 гг. украшаютъ комнаты. Потолки покрыты барельефами. Полы частью изъ мозаики и частью паркетные, превосходно подобранные. Король живеть въ шестомъ этажѣ. Въ своемъ кабинетѣ, украшенномъ бюстами его родителей, Вагнера и многими другими, король узналь о смерти своего друга Вагнера. Въ четвертомъ и пятомъ этажахъ находятся залы, предназначенные для библиотеки и собраній оружія, монетъ и другихъ коллекцій. Первый этажъ представляетъ громадную съ богатой позолотой переднюю. Освѣщеніе электрическое снаружи системы Яблочкова и внутри—Эдиссона и Свана. Конюшни украшены также фресками.

Норвежскій спортъ. Бѣгъ на лыжахъ принадлежитъ къ своеобразнымъ и любимымъ развлеченьямъ Норвежцевъ. Недавно, около Христіаніи происходилъ бѣгъ на призы. Въ назначенный день собралась многочисленная толпа народа; въ числѣ зрителей находились также король съ королевой и принцъ Оскаръ. Многіе изъ публики, въ томъ числѣ и дамы, бѣгали на лыжахъ, но въ состязаніи участвовали только мужчины, числомъ до 84. Погода была прекрасна, при 5 градусахъ мороза; только яркое солнце утомляло зѣніе. Вначалѣ состязались въ скорости бѣга на ровной мѣстности; это состязаніе составлять удовольствіе знатоковъ, простой же народъ болѣе интересуется бѣгомъ съ сильными прыжками черезъ уступы горы. Эти страшные прыжки, нерѣдко опасные для жизни, называются прыжки Пальнатока. Имя это ведеть свое начало отъ древняго сказанія о языческомъ датскомъ стрѣлѣ Пальнатокѣ, и сказаніе это есть источникъ позднѣйшаго мифа о Телльѣ. Преданіе говоритъ, что послѣ того какъ Пальнатокъ выстрѣлилъ въ яблоко на головѣ своего сына, онъ въ бѣшеномъ бѣгѣ на лыжахъ спасся въ Южную Швецію, и когда его по пятамъ преслѣдовалъ король Даніи, онъ сдѣлѣлъ отчаянно смѣлый прыжокъ черезъ мысъ Кулленъ и затѣмъ скрылся въ крѣпости на датскомъ островѣ Фюненѣ. Эти прыжки составляютъ главное удовольствіе бѣга на лыжахъ. Если кто по неловкости при этомъ провалится въ снѣгъ, то это возбуждаетъ веселый смѣхъ, а счастливо исполнившихъ прыжокъ встречаются одобреніемъ. Крестьяне долины Телемаркъ издавна считаются въ Норвегіи самыми искусными въ бѣгѣ на лыжахъ; въ этотъ разъ победа была за ними. Жители Христіаніи хотя и уступали имъ въ скорости и продолжительности бѣга, оказались мастерами скачковъ. Самые большіе прыжки достигали 60 футовъ и были исполнены съ изяществомъ и увѣренностью. Жители Христіаніи бѣгали или совсѣмъ безъ палки или же съ помощью очень небольшой. Бѣгъ прошелъ совершенно счастливо, хотя не обошлось безъ нѣсколькихъ праволовъ въ снѣгѣ.

О Жюль Симонѣ и Викторѣ Кузэнѣ въ Фигаро помѣщены слѣдующій анекдотъ. Извѣстный теперь общественный дѣятель, заѣдающій въ парламентѣ, во время своей молодости по прибытіи въ Парижъ былъ секретаремъ великаго философа. Это мѣсто вовсе не было синекурой, потому что Кузэнъ не только прилежно работалъ, но былъ также очень расчетливъ. Зачастую только послѣ восьми-девятичасовой работы онъ вспоминалъ объ обѣдѣ, который онъ обыкновенно кушалъ вмѣстѣ со своимъ молодымъ секретаремъ Симономъ. Они шли тогда постоянно въ одинъ и тотъ-же ресторантъ, Кузэнъ бралъ карту и выбиралъ что нибудь самое дешевое. Обыкновенно это была sole trite. Когда подавали рыбу, Кузэнъ дѣлилъ порцію пополамъ, и такъ скоро фѣль, что Симонъ долженъ былъ очень торопиться, чтобы окончить свою половину. Затѣмъ спрашивался счетъ, составлявшій ежедневно 35 су.—Дорогой другъ—говорилъ философъ,—намъ нужно заплатить 35 су. Дайте 18, а я дамъ 17, завтра мы уплатимъ наоборотъ.—Но на слѣдующій день повторялась также исторія, такъ что Симонъ постоянно платилъ 18, а Викторъ Кузэнъ только 17 су.

Въ Помпѣѣ сдѣлана интересная находка. Коммисія, завѣдывающая раскопками, приказала копать на сѣверозападѣ отъ VII и VIII района мертваго города, гдѣ открыли античный садъ, въ которомъ сохранились еще слѣды лопаты садовника. Кроме того открыта глубокая пещера (погребъ) и приступлено къ ея раскопкѣ. Для этой цѣли продѣлано нѣсколько отверстій, для того чтобы освѣтить пещеру. Затѣмъ были вынуты предметы, лежавшия на полу погреба, и залиты жидкимъ гипсомъ. Такимъ образомъ получился снимокъ человѣка, который спасся въ погребѣ, но тамъ задохся. Онъ лежитъ на спинѣ, съ закинутой назадъ головою; черепъ нигдѣ не поврежденъ. Особенно хорошо удалось отлитъ лицевая части. Совершенно ясно между губъ видны бѣлые зубы. Руки судорожно сжаты. Правая рука упирается въ бедро. Вѣроятно онъ держалъ два ключа, которые найдены возлѣ него; оба они желѣзны. Вокругъ тѣла находится одинъ изъ тѣхъ шарфовъ, которыми Римляне обыкновенно придерживали свои туники. Ноги сложены одна на другую, колѣно немногого приподнято; только правая нога не повреждена. Этотъ снимокъ принадлежитъ къ лучшимъ, какіе до сихъ поръ получались.

Семь чудесъ. Въ древности было семь чудесъ; неизслѣдованныя еще до сихъ поръ Корея также славится ими. Они слѣдующія: 1)

Теплый, цѣлебной силы источникъ. 2) Два источника расположенные недалекъ одинъ отъ другаго; если одинъ бѣть ключемъ, то другой изсякаетъ. Вода въ обоихъ очень пріятна. 3) Пещера откуда дуетъ холодная струя воздуха такъ сильно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ устоять въ этомъ мѣстѣ. 4) Неистощимый лѣсъ; срублены въ немъ деревья, очень скоро пускаютъ ростки отъ корня, которые такъ быстро растутъ, что вскорѣ заполняютъ пустое пространство. 5) Плавающій камень, надъ которымъ воздвигли храмъ. 6) Скала, отъ которой постоянно отдѣляется пріятная теплота. 7) Капля пота Будды; на тридцать шаговъ отъ храма, гдѣ она сохраняется, не растетъ ни трава, ни цветы, ни деревья и ни одно животное не осмѣливается приблизиться къ этому святому мѣсту.

Новые планы раскопокъ Шлимана. Носится слухъ, что неутомимый д-ръ Шлиманъ намѣревается выполнить желаніе всѣхъ любителей аттической исторіи: онъ хочетъ начать раскопки на сѣверозападѣ отъ Афинъ, тамъ гдѣ вблизи древней академіи находилось официальное мѣсто погребенія павшихъ въ Афинской войнѣ. Какъ известно, при случайныхъ раскопкахъ въ этой мѣстности сдѣланы уже нѣкоторыя важныя открытія, касающіяся списка мертвыхъ. Если прибавить къ тому, что между дипилономъ и академіей находилась гробница Перикла, и что быть можетъ она и теперь находится еще здѣсь подъ землею, то будетъ понятенъ интересъ, возбуждаемый предположенными раскопками. Этимъ предпріятіемъ Шлиманъ заслужить общую благодарность. Если же ему удастся привести въ исполненіе еще другой планъ, восстановить раскопками въ Крѣтѣ древнюю кретскую культуру, то для науки о древнемъ греческомъ искусствѣ получатся чрезвычайно важные, составляющіе эпоху выводы.

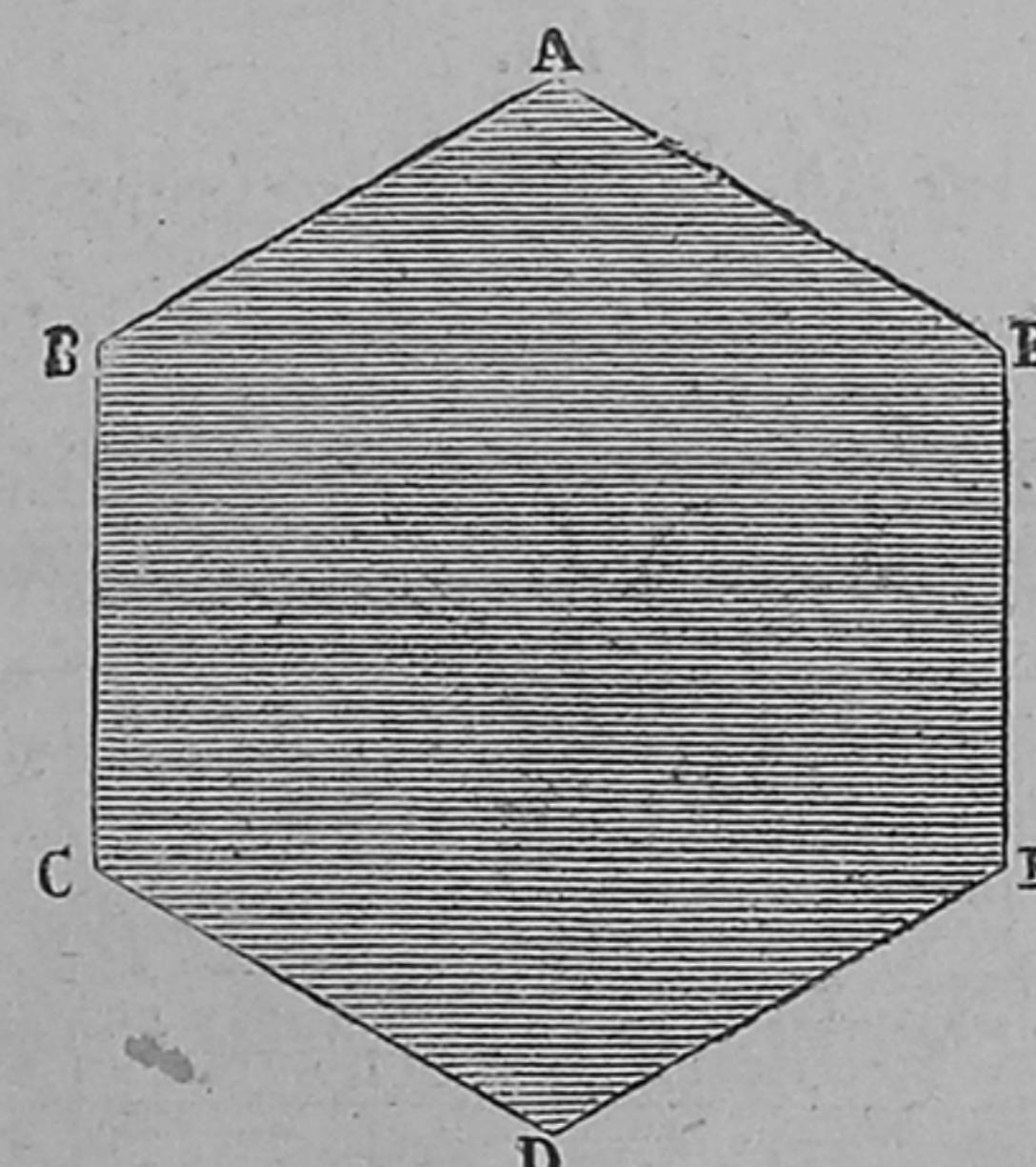
О гробѣ Гарфильда. Американская газета пишетъ, что, съ наступленіемъ темноты, къ гробу Гарфильда нельзя подойти на сто шаговъ, чтобы не встрѣтить стражу, которая день и ночь охраняетъ гробницу и только въ дурную погоду удаляется въ караульню, стоящую тутъ же, возлѣ гроба. Правительство для этой охраны наряжаетъ офицера и двѣнадцать вооруженныхъ солдатъ регулярной арміи. Кроме того еще три человѣка должны постоянно находиться въ караульнѣ. Стража эта до тѣхъ поръ будетъ у гроба, пока останки президента не будутъ закрыты прочнымъ памятникомъ. Стража утверждаетъ, что присутствіе ея необходимо для предохраненія гроба отъ разрушенія и покражи тѣла. Въ склепѣ допускается только офицеръ и семья Гарфильда. Жена покойного прѣѣзжаетъ два раза въ недѣлю, часто въ сопровожденіи сыновей или дочери. Они привозятъ постоянно цветы. Кроме того по воскресеніямъ прыкается большой букетъ, который офицеръ кладетъ на гробъ. Дверь склѣпа цѣлый день открыта, но на ночь тщательно запирается.

Представитель французской палаты депутатовъ получаетъ отъ своего города ежегодно 10 тысячъ франковъ содѣржанія. Это, безъ сомнѣнія, немного болѣе, чѣмъ билетъ на бесплатный проѣздъ по желѣзной дорогѣ депутата германского Рейхстага! И гораздо болѣе тѣхъ крохъ, которыхъ получаетъ прусскій депутатъ Ландтага ежедневно, въ теченіи только того времени, пока длится засѣданіе—именно 15 марокъ! Французскій депутатъ получаетъ ежедневно, парламентскіе ли это дни или нѣть, безразлично, около 22 марокъ.

Упадокъ американского судоходства. Назначенная въ Вашингтонскимъ конгрессомъ комиссія для изслѣдованія причинъ упадка американского судоходства намѣрена предложить конгрессу понизить таможенные пошлины на всѣ необходимые для судоходства матеріалы и, въ случаѣ употребленія американского матеріала на постройку судовъ для иностранной торговли, выдавать вознагражденіе, равняющееся суммѣ пошлины на эти матеріалы. Въ такомъ случаѣ суда въ 4,000 тоннъ (тонна = 62 пудамъ), получали бы вознагражденія 50,000 долларовъ (около 100,000 рублей). Докладъ комиссіи обѣихъ палатъ конгресса объ американскому торговому флотѣ указываетъ на упадокъ послѣдняго и рекомендуетъ особыя мѣры для лучшаго развитія торгового судоходства.

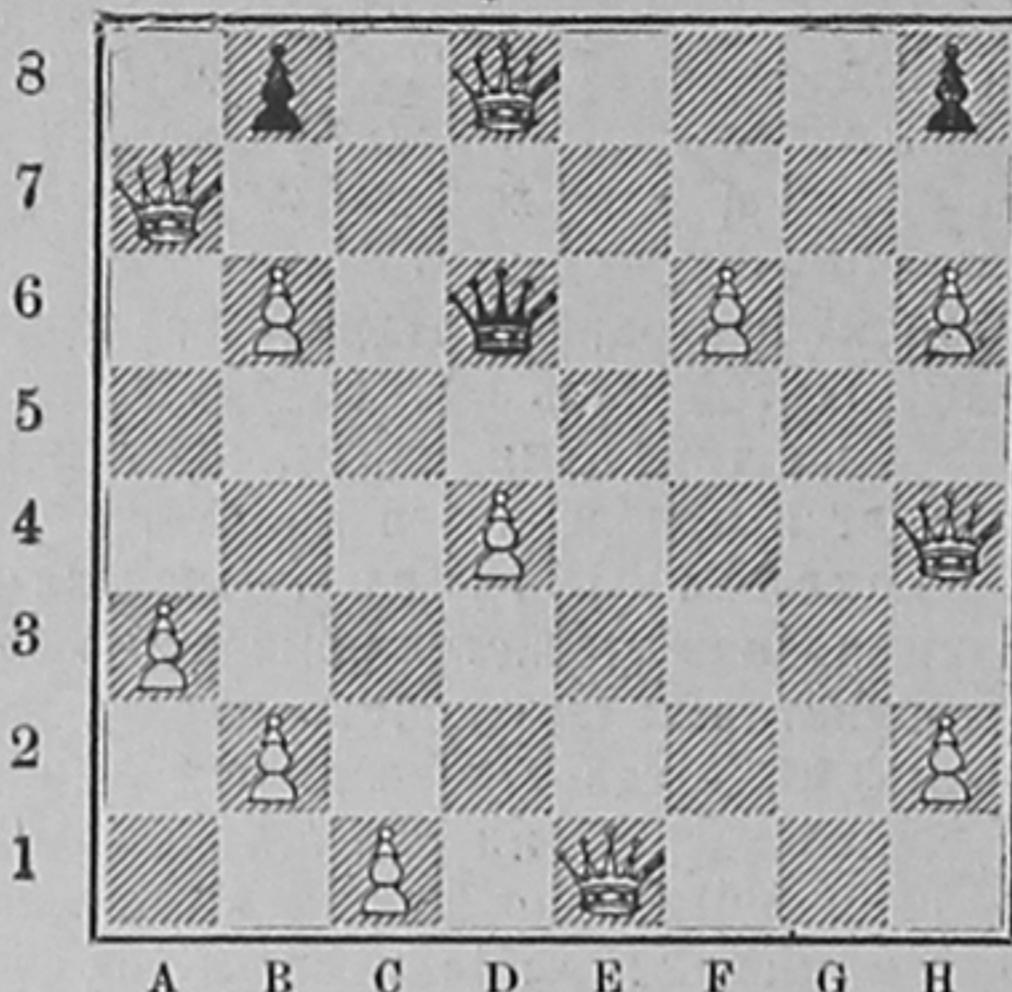
Геометрическая задача № 16.

Данную фигуру, правильный шестиугольникъ, обратить въ 2 равносторонніе, равные между собой, треугольника.

Шашечная задача № 17.

К. Цъхановича.
Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинают и запирают дамку и шашку черныхъ въ 10 ходовъ.

НОВѢЙШЕЕ ПРЕВОСХОДНОЕ СРЕДСТВО „ЭЛЕОПАТЬ“.

По истинѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которые употребляли „Элеопатъ“, даютъ намъ право по совѣсти рекомендовать этотъ бальзамъ „Элеопатъ“ противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Этотъ Шведскій бальзамъ признанъ безподобнымъ средствомъ и не можетъ быть ничѣмъ замѣнѣнъ.

Способъ употребленія „Элеопата“ приложенъ къ каждому флакону.

Каждый флаконъ содержитъ 120 граммовъ и имѣетъ въ самомъ стеклѣ вензель—надпись Кинунена, собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ пров. Кинунена продается у Штоль и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Цѣна флакону 1 руб. 50 к.

Въ провинціи „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ лучшихъ аптекахъ и косметическихъ магазинахъ. Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ“ высылается не менѣе 2 флаконовъ, содѣж. 240 граммовъ, за 4 руб. изъ магазина аптекарскихъ матеріаловъ К. Феррейна въ Москвѣ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОЭМА Джона Мильтона.

Большое издание in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорз. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящики 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящики 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ
ТОРГОВАГО ДОМА Н. Фену и Комп.
(Невскій пр., противъ Гостинаго двора).
Полный выборъ потъ, музикальныхъ инструментовъ и принадлежностей
къ нимъ. Заказы исполняются безъ задержки.
КАТАЛОГЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ БЕЗПЛАТНО.
АБОНЕМЕНТЪ НА ЧТЕНИЕ ПОТЪ. № 2542 1-1

Рамы для преміи „Нивы“ 1882 г.
„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклееною на полотно картиною, 5 руб.— картины при требованіи рамы подписчиками возвращаются обратно и рамы выдаются тотчасъ же со вставленною картиной.

Иногороднымъ высылаются такая рама въ 4-хъ кускахъ за 9 руб., а составленная и готовая за 15 руб.

СОДЕРЖАНИЕ: В. Д. Орловскій, профессоръ. (съ портр.).—Въ цвѣтахъ. Повѣсть Н. Лебедева (Морскаго). (Продолженіе).—Донъ-Педро Кастильскій. Исторический разсказъ Э. Шпильмана. (Окончаніе).—Судъ надъ животными. Очеркъ.—Жертвоприношенія Баала въ Карлагенѣ. (съ рис.).—„Весна“ Перова. (съ рис.).—Материнская любовь. (съ рис.).—„Полли“ моя жена и „Полли“ мой корабль. (съ рис.).—Паровой велосипедъ. (съ рис.).—Торпеда Уайтхеда. (съ порт. и рис.).—Вредъ, наносимый воробьями.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для

шитья петель на всякой

матеріи и бѣльѣ. Цѣна

3 р. съ перес.

Продажа оптомъ и

въ розницу.

И. ВАКОНЬ

№ 9. Гороховая ул., д.

Лембке, бель-этажъ, кв.

№ 8., въ С.-Петрб.

№ 2505 2-2

изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.
ПРИ ПЕТРЪ, историч. повѣсть В. И. Келл.
Письма съ рисунками Панова и Коверзинова.
Это интересное сочиненіе изображаетъ, въ
формѣ повѣсти, Петровское время и его
характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Для
подписч. „Нивы“ 75 к., съ перес. 1 р.

!!! ДО 80% УСТУПКИ !!!

Наслѣдники натуральныхъ
янтарныхъ коней, прежде при-
надлежавшихъ покойному Ка-
расину, имѣютъ честь объяв-
лять гр. покупателямъ, что
они, вслѣдствіе открытия въ
своихъ копахъ огромнаго ко-
личества янтаря, понижаютъ
его цѣну до 80%, смотря по
величинѣ. Этими баснословно
дешевыми цѣнами надѣются
они возобновить славу насто-
ящаго янтаря, значительно
павшую въ послѣднее время,
по случаю искаженныхъ и вре-
дящихъ здоровью поддѣлокъ.

Цѣны

мундштуковъ для папиро-
въ настоящаго, натураль-
ного янтаря, съ гарантіей не-
поддѣльности,

въ изящныхъ футлярахъ:

№ велич. прежняя теперъ	сантиметр.	цѣна.	только
1	10	12 р. 4 р. — к.	
2	9	11 " 3 " 25 "	
3	8	9 " 2 " 80 "	
4	7	8 " 2 " 55 "	
5	6	7 " 1 " 80 "	

Обязуемся въ продолженіи
4-хъ недѣль со дня этого объ-
явленія не повышать выше-
изначенную цѣну.

Натуральная величина янтарного мун-
дштука 7 сант. Заказы просимъ доставлять
нашу представителю

Г-ну Н. КАШИНУ,

Москва, Петровка, близъ церкви Богоявле-
нія, домъ Корастелевой.

Гр. иногородныхъ просить прилагать на
почтовый расходъ. Пересылка производится
по полученіи денегъ.

Ц. № 2534

ГУТТАПЕРЧЕВОЕ ПЕРО

РЕЙХА.

Цѣна за штуку 50 коп., съ пересылкою 70
коп. (почт. марками). Главный складъ для
всей Россіи: Контора Ф. П. Сазонова, Фон-
танка, № 67 (на углу Гороховой улицы).
С.-Петербургъ. № 2536 3-1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

превосходное средство для сохраненія зубовъ, укрѣпленія десенъ и освѣженія рта.

САЛИЦИЛОВЫЙ АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ЭЛИКСИРЪ.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ

Розовый, салициловый, бѣлый, доктора Міалхе.

НОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибегаютъ некоторые фабриканты, принявши название фирмъ, близ-
ко поддающихся къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и кони-
ющие наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы:

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.

2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкова моста.

3) Вознесенский проспектъ, угол Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора и оптовый складъ: по Измайловскому пр., въ собств.

домѣ, № 21.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя

съ вывескою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадле-

жатъ.

PARIS

МАГАЗИНЫ НОВОСТЕЙ И. АНТОНОВЪ И К°.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 38.

ПОЛУЧЕНЪ ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ НОВОСТЕЙ (HAUTES NOUVEAUTÉS)
для

ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА.

Представитель фирмы И. И. Антоновъ, возвратясь изъ своего заграничнаго путешествія, привезъ огромный выборъ новостей, отличающихся разнообразiemъ, изяществомъ, равно и богатствомъ вкуса.

Главная задача при выборѣ и покупкѣ товаровъ заключалась въ томъ, чтобы всѣ товары удовлетворяли изысканному вкусу петербургскихъ дамъ, равно подходили бы подъ климатическія условія нашей страны.

Многолѣтняя опытность и тѣ прямая сношенія съ первоклассными домами, дали намъ возможность составить роскошный выборъ товаровъ.

Понимая вполнѣ, что главную роль при изготавленіи confections играетъ хорошій покрой, мы пригласили опытныхъ закройщиковъ и основали свою обширную мастерскую, приспособивъ всѣ новѣйшія усовершенствованія. Такъ что мы увѣрены, что вещь, пріобрѣтенная у насъ, будетъ носить отпечатокъ вкуса и хорошаго тона.

Прямая сношенія съ фабрикантами и покупка за наличные деньги, даютъ намъ возможность предложить гг. покупателямъ наши товары дешево.

ЕЖЕДЕЛЬНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ НОВОСТЕЙ ПЪЗДА ГРАНИЦЫ.

CONFECTIONS (модели)

ПАЛЬТО, PINCE-TAILLE, ЖАКЕТЫ, МАНТЕЛЕ

Первыхъ Парижскихъ домовъ; Worth, Pingat, Hentenaag и др. изъ велюра, оттоманъ, брокатъ, плюша, сатинъ, солейль, Алелуя, Радзимиръ, съ самыми модными отдѣлками.

КОСТЮМЪ (для комнатъ и прогулокъ)

Новѣйшихъ тканей вигонъ, шеліотъ, кадрилле, дама, мадрасъ и пр.

ВАТЕРЪ-ПРОВЪ

Англійскихъ матерій.

ШЕЛКОВЪЯ МАТЕРИИ

Радамесь, дама, газъ а журъ, фуляры и проч.

ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРИИ

Крепъ Канада, Мадрасъ, крепъ Лагоръ, эжилтіенъ, эпонжъ, араби, Grande Ecosse самыхъ модныхъ цвѣтовъ терракотъ, сигары, е векъ, вевъ, солда, телеграфъ, Edisson, національ и проч.

ARTICLES DE PARIS

Зонтики ажуръ, антука, перчатки mousquetaires, галстухи cols militaires, вѣера, саки, саше, кошельки, аграфы металлические, чулки шелковые и fil d'Ecosse, фишю синель, crepe Lys, бальзы, кружева, аграманты, перо мурабу и проч.

HAUTE NOUVEAUTE

Coussin de salon.

Подушки для ногъ.

Цѣны безъ запроса (PRIX FIXE).

Издание А. Ф. Маркса.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. новость **В. И. Кельсева**, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1883 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повесть **Н. Каразина**, второе издание, съ 39 рисунками автора, большой томъ въ 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Для дѣтей: нуклы пебьющіеся (новые привилегированные) отъ 1 р. 50 к. до 10 р. Новые волчки съ музыкой въ 75 к. и 1 р. Диво-птица, поющая, съ движениемъ хвоста и клюва 1 р. Органчики въ 3 и 4 р. Кубики съ новыми картинами въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. Краски въ 50 к. и 1 р. за ящики. Книжки для раскрашивания въ 20 к., 50 к. и 75 к. Столлярный приборъ для мальчиковъ 1 р. Новое домино со звѣрьми 1 р. 25 к. Губная гармонія съ колокольчиками 3 р. Заводные мыши 75 к. Шашки отъ 30 к. до 75 к. Шахматы отъ 1 р. 25 к. до 4 р.

Для взрослыхъ: Вещи изъ поддѣльныхъ бриллиантовъ: Запонки грудные отъ 4 до 6 р. Серги отъ 3 до 7 р. Броши отъ 3 до 10 р. Булавки къ галстукамъ отъ 1 р. до 5 р. Кольца отъ 1 р. до 5 р. Колье въ 20 р. и 35 р. Звѣзды въ волосахъ носить 10 р. и 12 р. Нацладного золота: Единственная печеринющія цѣпочки для часовъ. Мужская отъ 3 р. до 8 р. Дамскія: боковыя отъ 5 р. до 7 р., шейныя длины отъ 8 до 12 р. Медальоны дамскіе отъ 2 р. 50 к. до 8 р. Медальоны мужскіе отъ 2 р. до 6 р. Браслеты 8 р., 10 р. Браслеты никелированные 1 р. 50 к. Запонки грудные съ опаломъ 5 р. Сѣтьящіяся въ темнотѣ спичечницы 50 к., 75 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. Подсвечники 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. (за штуку). Розетки 60 к. за пару. Розетки съ правилами къ винту 75 к. за пару. Альбомы (фотogr.) отъ 2 р. до 30 р. Минроскопъ-флороскопъ изобрѣтателя **П. Монсеня**, увеличивающій въ 700 разъ, 3 р. Электрическое отиво 5 р. Вѣчнія вѣшалинки для пальто 25 к. за штуку. Новый инструментъ, содержащий 15 инструментовъ, 3 р. 50 к.

НОВОСТЬ!!! Соломенные рамки для фотографическихъ картъ въ 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. Коробка съ секретомъ, подъ называниемъ: „Открывайте меня“, 75 к.

Всѣ цѣны назначены съ пересылкой.

Менѣе чѣмъ на три руб. не высылаютъ. **МАГАЗИНЪ „НЮРНБЕРГЪ“** въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домѣ Шаховскаго, напротивъ бриллиантника Сергунина.

П. № 2530 2—2

КРАСОТА и НѢЖНОСТЬ КОЖИ

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

косметика

А. ЭНГЛУНДЪ.

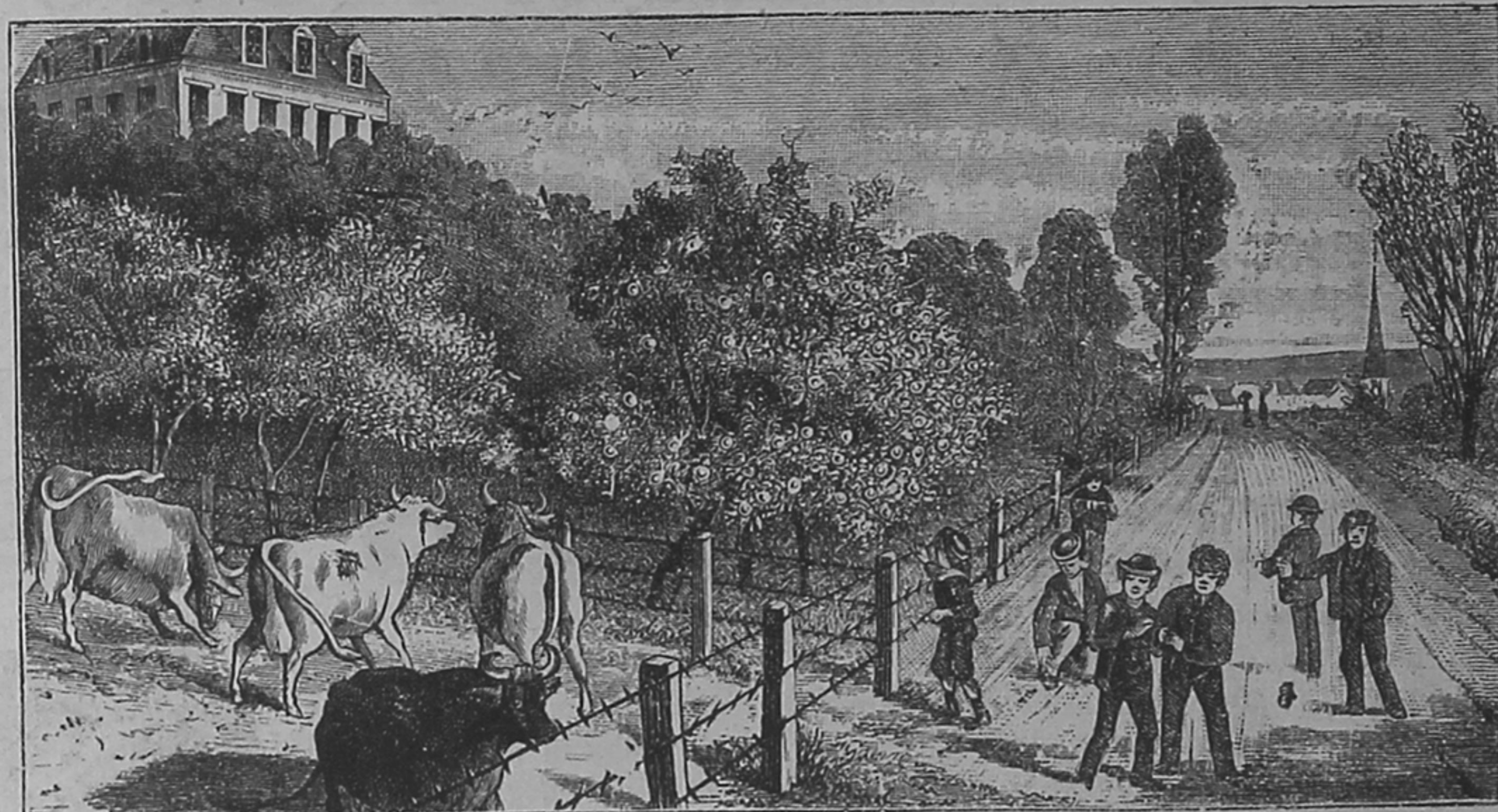
Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, морщинъ, шероховатости и проявл., чрезвычайно освѣжаетъ и придаетъ юношескую свѣжестъ; оно единственное вѣрное средство для предупреждения веснушекъ и загара. Цѣна за банку 1 руб., съ пересылк. 1 р. 75 к., за 2 банки съ пер. 3 р. Для предупреждения отъ поддѣлокъ требовать на каждомъ этикетѣ подпись „А. Энглундъ“ красн. черн.; получить можно въ Русск. Общ. торг. апт. тов., Казанская, 12; у А. Рузанова, Гостиный Дворъ, Зеркальная линія, 40. Главный складъ для всей Россіи у А. Энглундъ, С.-Петербургъ, М. Италиянская, № 3. № 2539

НЕ ВЪНЧАЙТЕСЬ
прежде чѣмъ читать „**TRAIT D'UNION**“, газету первого дома эшаго рода въ Европѣ и объясняющую брошюру. Безплашное почтовое посланіе за 90 centimes, 53, faubourg Montmartre и 17, avenue Carnot (Champs-Élysées), въ ПАРИЖЪ.

S. № 2508

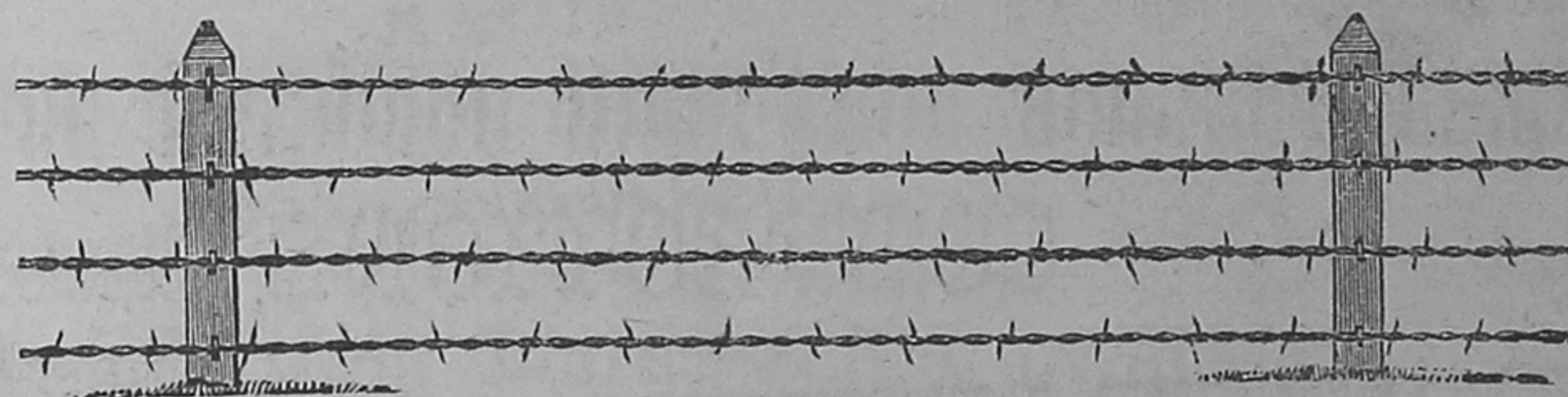
56—4

ИЗГОРОДЬ ИЗЪ ОЦИНКОВАННОЙ СТАЛЬНОЙ КОЛОЧЕЙ ПРОВОЛОКИ.

Патентъ гг. ФЕЛЬТЕНЪ и ГИЛЬОМЪ, до 1882 года въ потребленіи болѣе 300.000 верстъ, лучшая ограда пастбищъ, фруктовыхъ садовъ, желѣзныхъ дорогъ. Количество рядовъ проволоки можно определить цѣллю для которой изгородь устраивается:

1) Одинъ рядъ проволоки на высотѣ 25 вершковъ отъ земли ограждаетъ отъ коровъ, быковъ и лошадей. 2) Двѣ проволоки, т. е. на высотѣ 25 и 12 вершковъ отъ земли служить кроме вышеприведенной цѣли и оградой отъ мелкаго скота. 3) Три ряда проволоки на 8, 16 и 24 вершковъ отъ земли составляютъ общеполезную изгородь для сельскохозяйственныхъ цѣлей. 4) Изгородь въ 4 и 5 рядовъ употребляется весьма рѣдко.

Цѣна за погонную сажень проволоки 20 коп., такимъ образомъ погонная сажень изгороди безъ столбовъ и работы обойдется въ 2 ряда—40 коп., въ 3 ряда—60 к. въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Необходимы скобки отпускаются также при проволокѣ по 6 р. за 1.000 штуки. Необходимы инструменты обходятся въ 27 рублей.

За справками обращаться: въ С.-Петербургѣ, контора **Н. Вахтеръ и К°. Галерна**, № 43. Въ МОСКВѢ. Техническое бюро **К. И. ЮГАНСОНА**, Милицкая, близъ Красныхъ Воротъ, домъ Жемчужникова. № 2541 1—1

Издание А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ трубъ“), 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „Нивы“ 1883 г. 75 к., съ перес. 1 р.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ: 1) ПОМАДА, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цветъ, не линяетъ, флаконъ 3 р., пересыпка 1 руб.; для удобства: жидкай и густая помада, по полфлакону цѣна 3½ руб., пересыпка 1½ руб.; 2) КРАСКИ моментально окрашиваютъ волоса, не линяютъ, въ черный цв. цѣна 3 руб., перес. по 1 рублю. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 2532

Поступила въ продажу новая книга Тисандье:

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Знакомство съ законами природы путемъ игръ, забавъ и опытовъ, не требующихъ спеціальн. приборовъ. Съ 235 рисунками въ текстѣ. Перев. съ франц. подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1883 г. 362 стр. Цѣна 2 р.

Первая понятія о зоології. Поля Бера. Переводъ съ франц. подъ редакціей профессора И. И. Мечникова. Спб. 1883 г., 360 стр., съ 345 рисунками. Цѣна 1 р. (См. отзывъ въ „Нивѣ“ № 9).

Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ А. Нольде. Спб. 1883. съ 28 рисунками. Цѣна въ красивой папкѣ 1 р. (См. отзывъ въ „Нивѣ“, № 9). № 2535

Г. ТИЛЕ,

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 56, противъ памятника Екатерины II.

Универсальный складъ швейныхъ, вышивальныхъ и чулочныхъ машинъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1871 ГОДУ.

Рекомендуетъ машины Зингеръ съ петельнымъ ашарапомъ, самодѣйствующими шпульками и всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Доминія, машина будущаго, работающая всѣмъ легко, безъ всякаго шума, рекомендуются слабымъ и нервнымъ особамъ. Патентъ ТИЛЕ, ручная машина, самая простая и прочная, которая только существуетъ. Кромѣ того самый обширный складъ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ: для сапожниковъ, портныхъ, сѣдельщиковыхъ, каретниковъ, мѣщанинъ и каретныхъ фабрикъ, перчаточниковъ, скорняковъ и пр. Машины шьющіе черезъ край, а также настоющей смоливой дратвой. Большой выборъ лучшаго материала: шелка, нитокъ, масла и т. д. Иголки для всѣхъ существующихъ системъ знаменитыхъ фирмъ. Американские утюги Леона Ламмертца. Машины для складыванія плисс и плойки.

Примѣчаніе. Каждая машина провѣряется въ моей механической мастерской и продается съ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ. Гг. иногороднимъ: всѣ ножной машины—4 пуда, а ручной—1 пудъ, почтовыя издержки 10 коп. съ фунта. За провозъ по желѣзной дорогѣ можно уплатить на мѣстѣ назначения.

Р. № 2519 2—2

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ

Н. П. ЛАНИНА,

Въ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфійской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на последней Все-российской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, неступающее хорошимъ французскимъ маркамъ,

по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут. (прямо съ фабрики).

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи. № 2435 10—6

